

Александр Александров

Белый, белый снег...

Повести и рассказы

Александр Александров
Белый, белый снег... (сборник)

«Автор»

2014

Александров А. В.

Белый, белый снег... (сборник) / А. В. Александров — «Автор»,
2014

В книгу петербургского писателя вошли повести и рассказы, в которых наши современники должны решать нравственные задачи, каждый раз держа экзамен на человечность. В рассказах о природе автор следует традициям, заложенным в нашей литературе М. Пришвиным и И. Соколовым-Микитовым.

© Александров А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Повести	5
Белый, белый снег...	5
1	5
2	11
3	12
4	12
5	14
6	14
7	15
8	16
9	17
10	18
11	18
12	19
13	21
14	22
15	22
16	23
17	23
18	24
Проклятие Черного шамана	26
Пролог	26
1	26
2	31
3	36
4	44
5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Александров

Белый, белый снег...

(повести и рассказы)

Повести

Белый, белый снег...

1

Белая заснеженная пустыня простиралась от края и до края. Иван Котельников, увязая в глубоком сыпучем снегу, медленно двигался по нетронутой целине. Босые ноги не чувствовали холода.

Внезапно Иван провалился и полетел в бездну. Судорожно хватаясь руками за снег, он попытался удержаться, но не смог. Огромная воронка засасывала все глубже. Трудно стало дышать... Иван закричал, и проснулся.

Вскинувшись на кровати, он ошарашено огляделся по сторонам. Его опухшее, заросшее колючей щетиной лицо выдавало последствия многодневного запоя.

Котельников тяжело сел на постели, спустил на пол худые ноги. В прихожей был виден свет. Юноша помогал одеваться маленькой девочке.

– А мамка где?

– На работе, – нехотя ответил сын, продолжая застегивать сестре пальто.

– Не пришла еще?

Павел с укором взглянул на отца.

– Сейчас у-утро!

– А-а-а...

Видно было, что хозяину нездоровилось. Он с трудом поднялся, пошатываясь, подошел к столу. Дрожащей рукой взял чайник, отпил прямо из носика.

Хлопнула дверь, ребята вышли во двор. Из окна было видно, как, звеня цепью, к ним бросилась собака.

– Дик! Дик! На... – Машенька протянула угощение. Пес радостно завилял хвостом.

– Пойдем, и так опаздываем, – поторопил сестру Павел.

Оставшись один, Иван включил телевизор. Показывали какой-то старый фильм. Отважные десантники, парашюты в небе, крики: «Гвардия, вперед!»

Котельников закрыл глаза. Сами собой накатили воспоминания.

* * *

По изломанной горной дороге двигалась армейская колонна – несколько автомобилей, бронетранспортеры, боевые машины десанта. Впереди грозно лязгал гусеницами приземистый, серый от пыли танк. Время от времени, на крутых подъемах он фыркал мощным дизелем и злобно плевался из выхлопной трубы черным дымом сгоревшей солярки.

Десантная рота возвращалась после обычного сопровождения... Горячее афганское солнце ощутимо жгло сквозь полинявшую гимнастерку, слепило глаза. Хотелось пить, но фляга с водой лежала внутри боевой машины. Лень было спускаться...

Высоко в синем небе, раскинув черные крылья, кружила какая-то большая птица. Ротный снайпер Усаров, подняв вверх винтовку, в оптический прицел наблюдал за ней.

– Беркут... У нас под Ферганой тоже такие есть.

– А у нас вообще с ними охотятся. Вместо собаки... – улыбнулся киргиз Аккозов.

– У нас в тундре орлов нет, – покачал головой ненец Валей. – Совы есть... Полярные. Тоже – большие птицы.

– Я такого в зоопарке видел, – вставил москвич Юдин. – У него клюв – как зубило. Долбанет пару раз – и готов!

– А я раз на охоте сам орла подстрелил, – важно пробасил могучий сибиряк Комаровцев.

– Ага, – хитро блеснул раскосыми глазами Аккозов. – Иду, вижу, – на столбе сидит.

– Точно, – простодушно удивился Комаровцев. – А ты откуда знаешь?.. Я ружье поднимая – «Бах!»

– А он даже когти отстегнуть не успел!

Все разом заржали...

– Анекдот такой есть, про электрика – не слышал?

– Да ну вас! – сибиряк обиженно махнул рукой.

Дорога петляла вдоль ущелья. Слева возвышалась стеной скала, внизу с шумом пенилась быстрая горная река. У кромки воды угрюмо темнел лежащий на боку БПМ. Прошлой зимой в сильный гололед механик-водитель не справился с управлением и машина сорвалась с высоты. Погибло несколько человек. Котельников сам тогда был в той колонне, и помнил, как доставали ребят.

Иван вытащил из кармана помятую пачку «Примы», прикрывшись от ветра, закурил. Нет, надо думать о чем-то хорошем. О «дембеле», например... Осталось всего полгода. А там – другая жизнь... Дома ждет его девушка, Надей зовут. Письма пишет, говорит, что скучает... Хорошо бы сейчас на реку, искупаться, поваляться на травке. Все-таки дома солнышко совсем другое. Не такое жгучее – ласковое, доброе...

– А-а-а-а! А-а-а-а-а! – дикий, леденящий душу крик прорвался сквозь шум набатного гула. Иван приподнял тяжелую, словно раздувшуюся голову и выплюнул обломок переднего зуба. В щеке торчала какая-то щепка. Он машинально выдернул ее, и кровь теплой струйкой покатилась вниз, щекотно капая с подбородка.

– А-а-а-а! Аа-а!..

Котельников с трудом повернул голову и увидел ползущего на локтях Аккозова. Вместо одной ноги из рваной штанины выглядывал взлохмаченный, грязный кусок сырого мяса. Вторая нога, неестественно вывернутая в колене, безжизненно волочилась за ним. Ярко-красная кровь, орошая дорогу, тут же превращалась в пыльные серые шарики.

Рядом дымилась подбитая боевая машина. Но из крутящейся башни зло огрызнулся крупнокалиберный пулемет.

Иван торопливо зашарил по земле руками, отыскивая автомат. И успокоился, почувствовав, что он рядом.

– А-а-а-а! А-а-а-а-а-а!

Аккозов все еще пытался ползти, но руки не слушались его. Бессильно качнувшись, он повалился на землю.

Надо было встать и помочь. Иван заставил себя подняться и, пригибаясь, сжимая в руке автомат, одним броском подбежал к раненому. Упал рядом... Их разделяло всего десять-двенадцать шагов, но ему показалось, что бежал он очень долго.

Вблизи все было еще ужаснее. Котельников растерялся...

Он знал, что надо вколоть раненому промедол, перетянуть жгутом ноги, оттащить в безопасное место. Но в какой последовательности все это делать? Что сначала? И где это безопасное место, если вокруг все гремит, грохочет и ухает.

Аккозов уже не мог кричать. Он только открывал искаженный от боли рот и оттуда вырывались слабые, заглушаемые звуками боя стоны. Лицо его, покрытое пылью, приобрело зеленовато-бледный, землистый оттенок. Лишь глаза, полные отчаяния и страха, говорили о том, что он еще жив.

– Тихо-тихо-тихо... Сейчас, сейчас... – шептал Котельников, пытаясь приподнять раненого за плечи и оттащить за «броню». Но с первой попытки у него ничего не вышло. Аккозов, весом в шестьдесят килограммов вместе с обмундированием, показался Ивану непомерно тяжелым. И это, не смотря на то, что сам Котельников был довольно крепким парнем, ростом под метр девяносто.

Совсем рядом взметнулся фонтан пыли, словно кто-то, балуясь, бросил камень... Вторая пуля, брызнув искрами, ударила в броню, и ушла рикошетом в небо, завывая пронзительно и тонко.

Котельников понимал, что здесь они – отличная мишень. И до сих пор живы только потому, что прикрывает их дым от горящего впереди танка.

В одном из нарукавных карманов Иван отыскал наконец упаковку с промедолом. Ткнув иглой прямо сквозь ткань, он ввел Аккозову обезболивающее. Потом повторил попытку сдвинуть его с места. На этот раз удалось... Сцепив зубы, он волоком потащил раненого в укрытие.

Со всех сторон шла ожесточенная стрельба. Перекрывая грохот, слышался голос взводного, лейтенанта Захарова:

– Короткими, мать твою!.. Короткими! Патроны беречь!

Наконец ползущих заметили и двое бойцов бросились Котельникову на помощь.

За бронемашиной он перевел дух. Фельдшер, перетянув жгутом ноги Аккозову, бегло осмотрел и его, поскольку Иван весь, с головы до пят был измазан кровью.

– Да нет, я не ранен, – вяло отмахнулся Иван. – Голова только... Гудит.

– Контузия. Это пройдет... Полежишь?

– Нет! – Котельников решительно повернулся. – Я к ребятам!

– Стой! – фельдшер протянул ему каску. – Надень.

Но Иван уже выскочил из-за бронемашин и, пригибаясь, побежал вдоль дороги, отыскивая подходящую позицию.

За огромным придорожным валуном лежал ефрейтор Усаров и громко ругаясь по-русски и по-узбекски, методично долбил из своей СВД. Неподалеку, за дорожным бордюром укрылся пулеметчик Комаровцев... Котельников с разбегу плюхнулся за камень, между ними.

– Комар! – крикнул Усаров пулеметчику. – Видишь куст?!

– Ну!..

– Вправо двести!.. Чего они там кучкуются?!

– Понял! Сейчас проредим!.. – и ротный станковый пулемет грозно зарокотал, подрагивая в крепких руках сибиряка.

– Киргизу ноги оторвало, – сообщил Котельников, пристраивая автомат между камнями.

– Ах, шайтан!.. Жаль пацана, – досадно поморщился Усаров.

Котельников осмотрелся. Слева и справа, растянувшись вдоль дороги, рота вела бой. Горел головной танк, горели два бронетранспортера и один грузовик. Боевая машина десанта, на которой они ехали – чадила белесым дымом. Но в башне по-прежнему работал пулемет. Из других уцелевших машин, тоже велась пушечная и пулеметная стрельба.

В какой-то мере им повезло. Противник был хоть и в более выгодном положении – выше по склону, но на одной стороне. Тыл прикрывала неприступная отвесная скала. Так, что

выстрелов в спину можно было не опасаться... Хотя кинжальный огонь, пусть и с одной стороны – вещь неприятная, можно сказать смертельная.

– Усаров! – крикнул взводный, перекрывая звуки стрельбы.

– Я! – бодро откликнулся снайпер.

– Белый камень на склоне! Влево сто! – лейтенант напряженно смотрел в бинокль. – Дух с «трубой»... Скорее! Он уже целится!

– Есть, командир!

Усаров нежно приложился щекой к прикладу, чуть поправил оптический прицел, замер... Выстрел!

– Готов!

– Молодец, раздолбай! К медали представляю! – весело подытожил лейтенант.

– А меня? – крикнул Комаровцев.

– И тебя тоже!

– И меня! – подал из-за камня голос Валея.

– А ты молодой еще! – осадил его лейтенант.

– Правильно, – согласился Комаровцев, меняя ленту. – И башку не высовывай! Это тебе не в Нарьян-Маре на танцах!

Какая-то пьянящая, бесшабашная эйфория чувствовалась во всей этой нелепой переключке. Когда вокруг свистели пули; когда и кровь, и боль, и смерть – все было рядом... Но видно так, и только так можно было сопротивляться этому ужасу, этому страху быть внезапно убитым или искалеченным. В любой момент, в любую секунду...

Котельников не раз участвовал в мелких стычках с душманами. Случалось, и пострелять, и по горам побегать. Но все это было похоже скорее на какую-то игру. Враг был где-то там, далеко. Живого противника вблизи видеть не приходилось. А тут... Вот они, «духи»! Темные силуэты то и дело мелькают за камнями. И только ущелье, метров в сто пятьдесят шириной, как глубокий ров разделяет их.

– Держись, пацаны! – ободряюще крикнул взводный, хлестанув из-за камня прицельной короткой очередью. – Сейчас вертушки прилетят!.. Отобьемся!

Поначалу в этой сумятице боя трудно было что-либо понять и разглядеть. Но постепенно картина начала проясняться... Иван заметил, как от камня к камню метнулась серая тень. Потом приподнялась голова и вспыхнул белый огонек... Перезарядившись, «дух» снова выглянул из-за камня. И снова блеснул огонь... Иван поймал в прицел то место, откуда поднималась голова, и затаил дыхание. Едва потерявший осторожность душман выглянул в третий раз, Котельников нажал на спуск. Выстрел! Приклад толкнул в плечо... Иван увидел, как над камнем беспомощно взметнулись руки. Есть!

Поставив автомат на предохранитель, перекатился метра на два в сторону, и успел заметить, как в камень, за которым он только что был, врезалась пуля. Привстав на колено, Котельников быстро выглянул из-за укрытия и наугад пальнул короткой очередью.

Усаров тоже два раза подряд бабахнул из своей винтовки и, прикрывая прицел рукой, лежа на боку, отполз в сторону.

– Как думаешь, продержимся? – спросил Иван.

– Хотелось бы... – усмехнулся ефрейтор и неожиданно тихо добавил. – Мне умирать нельзя. У меня в Фергане мама...

Котельников не успел дослушать. Тугая, горячая волна ударила его в спину, обожгла и бросила через дорожный бордюр. Он упал плашмя на склон и, беспорядочно вращаясь, покатился вниз...

Потом Иван узнал, что это у него за спиной рванули бочки с соляжкой в грузовике. А пока он, ничего не успев понять, все скользил и скользил по пологому склону. Почва здесь оказалось сыпучей, удержаться было нельзя... Наконец его занесло в расщелину между камней.

Больно ударившись грудью о скальную глыбу, Котельников пришел в себя. Поправив сбившийся бронежилет, он вытряхнул из-под него набившиеся острые камешки, огляделся. Здесь, в расщелине, Иван был в относительной безопасности. Огромные глыбы, торчащие вертикально на склоне, как зубы дракона, надежно прикрывали его от противника. Можно было даже подняться в полный рост.

Первой мыслью было рвануть к своим, наверх, но Котельников тут же отказался от глупой затеи. Карабкаться по склону на виду у противника – верная гибель. Уж лучше пока тут отсидеться... Если получится, конечно...

Он не долетел до речушки метров тридцать. Слышно, как шумит внизу вода. Слышно, как наши ребята вверху перекликаются. Слышно... Да это голоса «духов»! Лопочут что-то по своему... До противоположного склона здесь по прямой меньше сотни метров.

Иван осторожно выглянул из-за скалы, и отпрянул... Человек пять перебежками, прячась между камнями, быстро спускались по склону. Видели, что он упал, хотят взять живым... От страха похолодело в груди, внутри словно что-то оборвалось. Там, наверху, среди своих все было не так.

– Котельников! Ты живой?

Иван узнал голос лейтенанта.

– Да-а!

– Не бойсь, Ваня! Я прикрою!

Это уже Комаровцев... Наверху дробно застучал его пулемет. Кромсая камни, крупнокалиберные пули веером легли на пути душманов, отрезая им путь. Иван заметил, как в панике заметались «духи» среди серых фонтанов гранитной пыли.

Вдруг замолчал пулемет. Иван подумал, что Комаровцев меняет ленту. Но прошла минута, вторая... Он все понял. Слишком сильно пришлось высунуться сибиряку, чтобы с бровки дороги достать спустившихся вниз душманов. Слишком крутой угол стрельбы... Подставился он. Чтобы его, Ивана, прикрыть – подставился! Горько стало на душе. «Эх, Комар, Комар!»

Внизу послышались всплески воды. Иван выглянул и увидел двух человек в длинных одеждах, вброд переходящих речку. Вскинул автомат, приложился, нажал на спуск... Что такое! Не стреляет... Передернул затвор. Снова сухой щелчок... Быстро выдернул магазин. Так и есть – пусто. Сунулся в подсумки. Ё-ё-ё-о!.. Когда падал, все растерял. Беспомощно оглянулся по сторонам. Есть один! Под камень завалился... Схватил «рожок», отряхнул от песка, поправил пальцем верхний патрон.

А душманы уже рядом. Слышно, как карабкаются по камням.

Сколько раз потом видел Котельников это во сне... Вставляет он магазин в автомат – а тот никак не вставляется, гнется, как пластилиновый. И вот-вот что-то страшное должно произойти...

Никогда еще руки Ивана не были такими слабыми и непослушными. Словно чужие... И этот проклятый магазин! Никак не хочет на место вставляться.

«Духи» совсем близко. В нескольких метрах за скалой скребутся. Секунда, вторая... Вот он!

Высокий чернобородый афганец в широких светлых штанах, такой же рубахе и темном распахнутом жилете, со старым английским «буром» в руках неожиданно возник из-за скалы. Увидел Ивана... Винтовка мгновенно взлетела к плечу.

Но за долю секунды до этого Котельников успел передернуть затвор и, когда они встретились глаза в глаза, палец уже даванул на спуск. Автомат забился в руках, гильзы со звоном запрыгали по камням. Рубаха на груди у душмана мгновенно взлохматилась, оттуда брызнуло красным, он завалился назад и почти бесшумно покатился вниз.

Иван припал на колени, приготовившись встретить второго. Но из-за скалы больше никто не появился. Подождав с минуту, он осторожно выглянул и тут же пригнулся, прячась от града пуль. Второй «дух» сидел за камнями, метров на десять-пятнадцать ниже. Плохо, что у него был автомат. Если бы такая же старая винтовка, тогда его можно было бы прищучить в момент перезарядки. А так... Поди, разберись, сколько у него в магазине осталось.

Судя по тому, как легли первые пули, стрелял он неплохо. Поэтому Иван лишний раз выглядывать поостерегся. Выставил лишь ствол и пальнул несколько раз наугад – скорее для остротки. Душман стеганул в ответ короткой очередью – и опять очень точно.

«Вот зараза! – растерянно подумал Котельников. – Ворошиловский стрелок...»

Патронов у него оставалось немного. Поэтому просто так Иван решил больше не стрелять. Решил ждать, что будет. И слушать... Ведь если душман полезет вверх – обязательно выдаст себя.

Прошла минута, другая... «Дух» внизу зашевелился, потом послышался негромкий странный щелчок и на самый край каменного бугорка, в нескольких шагах от Ивана упал какой-то темный предмет.

«Граната! – мелькнула мысль. – Конец!»

Да, это была она... И щелчок был не чем иным, как звуком сработавшего взрывателя. До взрыва оставались мгновения... И вдруг! Мелкие камешки под гранатой просели, она дрогнула и покатила вниз.

– А-а-а! – раздался короткий испуганный вскрик.

И тут же рвануло...

Когда осела пыль, Иван осторожно посмотрел вниз. На дне ущелья, почти у самой воды, лежали два распластанных тела.

Потом прилетели «вертушки» и принялись гвоздить ракетами по той стороне так, что только клочки от душманов полетели. Одновременно где-то неподалеку высадился вертолетный десант. Уцелевшие «духи» вынуждены были спешно отступать. Причем так спешно, что несколько человек оказались отрезаны от основных сил и были захвачены в плен.

На следующий день Котельников увидел этих пленных на хоздворе. Они стояли в окружении толпы любопытных – бледные, напуганные, босые, из последних сил стараясь сохранять достоинство.

Перед пленными важно расхаживал сержант Горохов из хозяйственной роты. Его толстые гладкие щеки лоснились, новая с иголки форма сидела, как влитая. Край голубой тельняшки выглядывал из отворота.

– Я повторяю, войска!.. Кто с одного удара вырубит «духа», месяц в наряд не идет!.. Ну, кто? Смелее!

Из притихшей толпы выкатился щедедушный кривоногий солдатик. Гимнастерка пузырем топорщилась у него на спине. Подлетев к крайнему афганцу он с размаху отвесил ему хлесткую оплеуху. Пленный качнулся, но устоял...

– Слаба-а-ак! – разочарованно протянул Горохов. – Учись, салага!

Ухмыляясь, сержант встал напротив крепкого бородача, примерился, и с одного удара свалил его на землю.

– Ну, кто еще хочет?

Больше желающих не нашлось. Горохов с кривой улыбкой приблизился к молодому парню, своему ровеснику. Пленный испуганно замер... В руке у сержанта вдруг откуда-то возникло сапожное шило.

– Боишься, душара?! А в пацанов стрелять не боишься?

Припав на колени, Горохов взмахнул рукой и с размаху пригвоздил босую ногу к земле. Пленный не издал ни звука...

– Отставить! – крикнул Иван, протискиваясь сквозь толпу. – Отставить, я сказал!
Горохов смерил его надменным взглядом.

– Ты иди к себе в роту, и там командуй.

Котельников почувствовал, как у него немеют руки. Совсем как тогда, в бою, когда он тщетно пытался вставить в автомат злополучный магазин.

– С пленными воевать – немного храбрости требуется... Ты себя в бою покажи.

– Да пошел ты!.. – с вызовом ответил сержант.

Словно что-то перемкнуло в голове у Ивана. Слепая ярость безумной волной захлестнула его. Не помня себя, он шагнул вперед и, что есть силы, ударил обидчика по лицу. Горохов упал...

Ивана схватили за руки, потащили в сторону, а он все никак не мог уgomониться.

– Крыса тыловая! Гад!.. Я тебя загрызу!

Пока Котельников бушевал, побитый сержант, как нашкодивший кот, украдкой сумеллизнуть. Пленных увели... Кто-то из знакомых ребят раздобыл водки. Захмелев, Иван неожиданно расплакался.

2

Зло залаяла во дворе собака. Потом тонко задребезжало оконное стекло. В мутном проеме, сквозь морозную изморось проступило небритое помятое лицо. Это был Чика, приятель Ивана Котельникова – пьяница и прохиндей.

– Это я, я!.. Открывай давай!

Хозяин тяжело поднялся, впустил гостя в дом. Чика вошел в комнату, сел за стол.

– Ну и зверюгу ты вырастил. Сожрет, к едрене-фене!..

Иван отмахнулся. Ему было нехорошо... Опустившись на стул, напротив гостя, он обхватил коротко стриженную голову руками. Из-под растянутой заношенной майки выглядывала старая армейская накладка – эмблема воздушно-десантных войск.

– Тяжело, да? – сочувственно поинтересовался Чика. – Похмелиться надо.

– У тебя есть? – поднял голову Иван.

– Нет, но могу сгонять...

– На какие шиши?

– Было бы желание, а деньги найдутся, – Чика взял со стола сушку, раздавил ее в кулаке и кинул обломок в рот. – Деньги – это навоз. Сегодня нет, а завтра – воз!

– Бобырь? – усмехнулся Котельников. – Я ему еще тот долг не вернул.

– У соседки спроси.

– Не-е, глухо... Вторую неделю со мной не говорит.

– А че так?

– Да подвернулась мне по-пьяни, начала воспитывать. Ну, я ей... Объяснил... Обиделась. Котельников взял со стола пустой стакан, протянул дрожащую руку.

– Плесни-ка кипяточку.

Чика склонил чайник над стаканом.

Иван жадно выпил воду, потом тяжело, шумно вздохнул:

– Фф-ф-фу-у! Сдохну сейчас.

Чика встал, прошелся по комнате.

– Одевайся, пойдем в «стекляху». Друзей что ли нет? Нальют...

Иван снял со спинки стула мятый свитер, надел.

– Стоп! – Чика задумчиво опустил на стул. – А что если... Давай, толкнем чего-нибудь?

– Что?

– Ну, на рынке загоним.

- А... Чего?
- Сервиз чайный.
- Не-е-е! – Иван замотал головой. – Жена тут знаешь, устроит...
- Давай тогда ружье продадим.
- Батя подарил... Ты понял?
- Чика огляделся по сторонам.
- Телек!
- Может сразу дом?! – вспыхнул Иван, потом подумал, – А-а-а!.. Давай уж лучше посуду.

3

На рынке было полно народу. Возле перевернутого ящика, накрытого газетой, расположились Чика с Иваном. Мимо туда-сюда сновали люди. На предложение купить сервиз, прохожие только ускоряли шаг.

Котельников чувствовал себя неловко. Казалось, все смотрят на него с осуждением.

Три часа просидели они на холодном ветру, продрогли и, хотели было, уже уходить, когда подле них остановилась какая-то пожилая женщина. Она внимательно присмотрелась к тонкостенным фигурным чашечкам, потрогала пальцем золотую кайму.

– Почем продаете, сынки?

– Почти задаром, бабуля, – Чика шмыгнул покрасневшим носом. – Бери, не пожалеешь.

Китайский фарфор...

Он легонько ударил ногтем по чашке, и та отозвалась легким мелодичным звоном.

Женщина взяла легкий изящный чайник, повертела его в руках.

– Снохе подарю... Сколько, говоришь, стоит?

4

Вечер застал Котельникова и Чика в придорожном кафе. Тусклый свет, табачный дым, громкая музыка... Они взяли по стакану пива, немного закусить; водку принесли с собой.

Подогретый спиртным, Чика оживленно жестикулировал:

– Летит ко мне... Я ему – бац! Как щи пролил... Второй сбоку, я ему ногой – на!.. Тут менты... Я еле ушел.

Захмелевший Котельников усмехнулся. Чика это задело.

– А чего ты смеешься? Ничего удивительного!

– Налей, – примирительно произнес Иван.

Чика достал из-под стола бутылку, разлил водку по пивным стаканам. Они чокнулись и выпили. Котельников, морщась, занюхал рукавом. Чика услужливо протянул ему сигарету.

Пуская дым, Иван шурил глаза и смотрел куда-то вдаль, как будто сквозь собеседника, усталым неподвижным взглядом.

– Тоска-а... Надоело все.

– Чего тебе надоело-то? – пожал плечами Чика.

– Да все, все надоело... Даже ночью какая-то мутотень снится. Пауки... Вся стена в пауках. Лапы лохматые... Я их обламываю, а они шевелятся.

– Это с похмела.

Иван затягивается, пускает над столом сизый дым.

– Раньше все не так было. Светлее как-то, радостней... Я бригадиром работал. Мужики меня уважали. Я справедливый был. С начальством мог поругаться, не боялся... Деньги хорошие зарабатывал.

– Уволили?

– За пьянку... Загудел, прогулял неделю.

– Ну, и хрен с ним, чего сейчас-то переживать?

– Жена у меня терпеливая, – Иван потушил сигарету о блюде. – Другая бы давно уже... А она... К детям, опять же относится... В церковь ходит... Вот ты, Чика! Ты ходил когда-нибудь в церковь?!

– Чего это тебя растащило? На лирику потянуло... – Чика сдернул пробку с новой бутылки. – Вот, лучшее лекарство от тоски! Выпил – и никаких проблем... Давай сюда стакан.

В полутемном зале под заводную ритмичную музыку танцевал народ. Чика огляделся по сторонам.

– Сейчас пива принесу.

Он поднялся из-за стола и нетвердой, вихляющей походкой направился к бару.

За стойкой скучала симпатичная девушка. Чуть поодаль одиноко сидел шуплый молодой мужчина в очках, попивая через соломинку коктейль. Чика небрежно бросил на прилавок деньги.

– Дешка... Ва пива пжста...

– Что?

– Два, – Чика показал на пальцах, – Два пива.

Девушка пересчитала деньги.

– Здесь не хватает.

– А-адну м-минуточку!

Пошарив по карманам, Чика достал еще несколько мятых купюр.

– Дешка... Что вы делаете сегодня вечером?

– А что, есть предложения?

– Естественно... Позвольте пригласить... На тур вальса.

– Я занята.

– А завтра?

– И завтра, и послезавтра, и на год вперед.

Чика разочарованно вздохнул. Потом направился к очкарику. Уставившись в упор, принялся гипнотизировать его взглядом.

Мужчина повернулся к нему спиной. Чика обошел его с другой стороны. И снова уперся в него тяжелым, стекленеющим взглядом. Наконец тот не выдержал.

– Простите, вам что-нибудь нужно?

– Чо-чо ты сказал? – с пол оборота завелся Чика, хватая его за отвороты пиджака.

– Уберите руки!

– Короче... Я тебя на улице жду.

Спотыкаясь, забыв про пиво, Чика быстро вернулся к своему столику.

– Слышь, Ваня... Там это... Наехали на меня!

– Кто?

– Козел один... Пойдем, поможешь.

Они вышли на темную улицу.

– Ну, где он? – спросил, оглядываясь, Иван.

Из темноты появились четверо: три здоровых мужика и с ними этот, в очках. Чика испуганно попятился обратно за дверь.

– Э-э, ты куда?

– Я сейчас... Сейчас... Только куртку сниму.

Мужики подошли к Ивану.

– Этот, что ли?

Очкарик не успел ответить, как один из громил ударил Котельникова в челюсть. Ивана отбросило к стене. Поднявшись, он тряхнул головой и без колебаний пошел вперед.

Удар!.. Обидчик навзничь упал на землю. Завязалась драка... Дрались молча, без выкриков и проклятий. Слышны были только тяжелое хриплое дыхание, да удары: глухие по телу и звонкие – по лицу... Обезумев от ярости, Котельников не отбивался. Он сам напал... И вскоре все трое ничком лежали на земле. Только очкастый благоразумно убежал.

Все это время Чика следил за происходящим в щелочку из-за двери. Но едва все закончилось – тут же появился.

– Ты где был, урод?!

– Молнию... Молнию на куртке заклинило, – трусливо залепетал Чика, отступая.

– Щас как дам! – Иван тряхнул его за грудки. – Будет тебе молния!

– Ваня, Ваня!.. Ты чего?!

Котельников с силой оттолкнул его и пошел, не оглядываясь.

5

Колледж... Шумный коридор во время перемены. В кабинете молодая женщина-преподаватель и сын Ивана – Павел.

– Котельников, ты почему вчера физкультуру пропустил?

– Голова болела.

– Что-то в последнее время она у тебя слишком часто болеть стала. Ты посмотри, – преподаватель открыла журнал, – Физика – три прогула, иностранный – пять прогулов, математика – восемь... И все это – без уважительной причины. А двоек сколько нахватал! Придется, видимо, вызывать родителей. А?.. Как ты считаешь?

– Вызывайте.

– Ты очень изменился за этот год. Я тебя не узнаю. Ведь ты способный парень, Паша... Что происходит?

Она подошла ближе.

– Ну, скажи, что с тобой? Почему...

– Да отстаньте вы все от меня! – неожиданно оборвал ее Павел и выбежал из кабинета.

6

Милицейский УАЗик бодро колесил по заснеженной улице. Сквозь затянутое испариной мутное окно мелькали деревянные рубленые дома, заборы, огороды и садовые участки, присыпанные ранним ноябрьским снегом.

Иван Котельников колот перед домом дрова. Гулко ухая, он с силой втыкал тяжелый «колун» в гладкие березовые чурбачки, и те, с сухим звонким треском послушно разлетались по сторонам. Одет он был уже по-зимнему: шапка, стеганая фуфайка, широкие парусиновые штаны, серые валенки с галошами.

Увидев подъезжающий УАЗ, Котельников оставил работу. Машина притормозила возле него. Дик во дворе тревожно залаял.

Из машины вышел милицейский майор с пухлой кожаной папкой в руке.

– Бог в помощь!

– А-а, гражданин начальник, – с усмешкой поприветствовал его Иван.

– Да брось ты, – милиционер подошел ближе. – Покури.

Котельников опустил на землю топор, снял матерчатые рукавицы.

– Будешь? – он протянул пачку с сигаретами майору. Тот отказался. Иван прикурил, сел на березовый чурбачок. Милиционер, смахнув снег с другой чурки, присел напротив.

– С чем пожаловал? – поинтересовался Котельников.

– Ты вчера возле кафе драку устроил?

- Я? Драку?.. Какую драку?
- Не прикидывайся, мне все уже доложили.
- Ну, так у них и поспрашивай, – развел руками Иван. – А я ничего не знаю, дома сидел, телевизор смотрел.
- До-о-ома сидел, телеви-и-изор смотрел... – передразнил его милиционер. – А губа-то что припухла?
- Где? – Котельников потрогал губу. – Это я так... Прикусил.
- Эх, Ваня, Ваня... До седых волос дожил, а ума?.. Ну, что ты с этим Чикой связался? Ходишь за ним – как телок.
- Кто ходит?
- Ты, ты, Ваня!.. Ладно Чика – на нем уже клейма негде ставить. А ты-то, нормальный вроде мужик...
- Иван угрюмо молчал. Большие мохнатые снежинки легко кружились в морозном воздухе. Солнце проглянуло из облаков. Красногрудый снегирь прилетел и уселся на ветку рябины.
- Пить тебе надо бросать, вот что... – сказал милиционер. – У меня доктор знакомый есть. Могу посодействовать.
- В ЛТП хочешь определить? – съязвил Иван.
- Помо-о-очь тебе хочу!.. Мы же не чужие люди. Отцы-то наши братьями были.
- Хоть и троюродными.
- Да не юродничай ты! – обиделся майор, но помолчав немного, добавил, – С работой решим... Пить только бросай.
- Иван недоверчиво посмотрел на него.
- А чего это ты вдруг озаботился? Родственничек... Ведь раз в сто лет мимо ходишь.
- Да жалко мне тебя, – тихо вздохнул милиционер.
- А не надо меня жалеть! – взорвался Иван. – Я не больной какой-нибудь, не убогий. Захочу – и сам завяжу! Без помощников!
- Ну, как знаешь... – милиционер медленно встал, отошел к машине, потом, повернувшись, зло бросил:
- Ты очнись, дурень! Еще немного – и никому будешь не нужен! Сдохнешь под забором – и все!

7

- Паша Котельников задумчиво брел по опустевшему коридору. Занятия в колледже уже закончились... В рекреации, возле окна, он увидел группу ребят. В центре, на подоконнике сидел юноша с гитарой. Павел подошел, втиснулся рядом.
- Чего Евгеша тебя вызывала? – поинтересовались у него.
- О смысле жизни хотела поговорить.
- Ну, и как? Удалось?
- Да так... – Павел неопределенно пожал плечами.
- Одна из девушек, Света, взяла у парня гитару и подала ему.
- Паша, сыграй.
- Павел провел пальцами по струнам, подкрутил гитарные колки. Затем взял аккорд, другой – и негромко, красиво запел... Ребята слушали, сбившись в тесный круг.
- Паша пел, то и дело, поглядывая на Свету. Видно было, что девушка ему нравится.
- Потом кто-то предложил пойти в кафе, перекусить. Все дружно встали и отправились одеваться. Только Котельников остался на месте.
- Света оглянулась:
- Паша, а ты?

- Не хочу.
Когда он ушел, одна из девушек осуждающе произнесла:
– Не компанейский. Никогда с нами не посидит.
– Да просто денег у него нет, – заступился за Пашу парень с гитарой. – А за чужой счет
– стесняется.
– Ну, на кофе-то с пирожным мог бы найти?
– Откуда? У них в семье одна мать работает.
– А отец? – спросила Света.
– Пьет... Если бы мать еду из столовки не таскала...
– Он и одевается в «секонд-хенде», – встрял в разговор еще один юноша.
– А ты, лох, вообще помолчи... – с усмешкой сказал парень с гитарой, – Тебя хоть от
Версаче одень, все равно лохом останешься.
Света незаметно приотстала от компании. Ее окликнули.
– Идите, идите... Мне еще в библиотеку надо.

8

- Света шла по коридору, заглядывая в пустые классы. В одном из них она увидела Пашу. Он сидел, склонившись над учебником.
– Учишь? – спросила девушка, присаживаясь рядом.
– Ага... – с готовностью откликнулся Павел. – Надо «пару» исправить, а то Евгеша жизни не даст.
– Я, наверное, тебя отвлекаю?
– Нет-нет, нисколечко... – он закрыл учебник. – Ничего в этих точных науках не понимаю.
Света кокетливо стрельнула глазками.
– Спросить можно?
– Спрашивай.
– Правда, что ты стихи пишешь?
– Правда... Даже публиковался в одном журнале.
– Здорово! – улыбнулась Света. – Почитай чего-нибудь?
– Тебе интересно?
– Да.
Павел замолчал, собираясь с мыслями.
– Ладно... Вот, слушай...

*Я не знаю, откуда печаль,
Отчего она душу терзает.
Но зовет меня светлая даль,
И чего-то опять не хватает.*

*Кто ответит, зачем я живу?
Что ищу под разливами звонниц?
И кого безнадежно зову,
В паутине проклятых бессонниц?*

*Каждый день – как подарок судьбы!
Каждый день – как исчадие ада!
Для чего мне дана эта жизнь:*

В наказание или в награду?

Павел замолчал. Света внимательно посмотрела на него.

– А дальше?

– Дальше я и сам еще не знаю... Это последнее, на днях родилось. Нужно как-то закончить, а как – не придумал еще...

– Интересно.

– Правда? – оживился Павел. – Тебе понравилось?

– Да. Непонятно только, что значит – «под разливами звонниц»?

– Ну, как?.. Звонницы – это такие колокольные арки в храмах... То есть, подразумевается разливистый звон колоколов. Поняла?

– Теперь поняла.

– А вообще, я считаю, совсем не обязательно объяснять каждую строчку. В стихах... – глаза у Павла заблестели. – В стихах должно быть что-то непонятное. Вот, например... «Как тогда, я отважный и гордый, только новью мой брызжет шаг...» Ну, вот, подумай, какой такой «новью» и почему «брызжет»? Или... «Этих дней кипят-ковая вязь». Как это – «дней кипят-ковая вязь»? Разве можно такое объяснить?.. И это Есенин, понятный вроде бы поэт.

– Учиться не думаешь?

– Хотел... В литературный поступать или на журфак. Но мать... Мать против. Говорит – лучше на стройку.

– Почему? – искренне удивилась Света.

– Деньги нужны.

– Но нельзя же во всем искать материальную выгоду.

– Ее тоже можно понять, – вздохнул Павел. – С утра до вечера на двух работах.

– А отец?

– Отец... Отец... Я уже начал сомневаться – есть ли он у меня?

9

Вечерние сумерки... В доме Котельниковых горел свет.

За столом, в старом залатанном свитере сидел пьяный Иван. В комнату вошла жена, забрала со стола недопитую бутылку. Попыталась прихватить и стакан, но Иван успел выпить...

Пока муж закуривал, Надежда спрятала бутылку. Потом села рядом, на диван.

– На кого ты стал похож? Вещи из дому таскать начал... Не работаешь... Я устала! Не могу больше...

Она расплакалась.

– Ну, брось ты... Не реви... Я завяжу скоро...

– Сколько раз я уже это слышала? – сквозь слезы произнесла Надежда. – Не верю!

Иван жестами и мимикой попытался что-то объяснить, но, обессилив, уронил голову на грудь.

– Ты посмотри на себя в зеркало. Ничего человеческого в тебе не осталось... Когда ты в последний раз с детьми общался? Они уже забыли, когда тебя трезвым видели... А я?.. Я ведь тоже... Слова от тебя ласкового не услышишь!

– Ну, Надюх... У-у-у...

Сделав губы трубочкой, он потянулся к ней с поцелуем, но не удержался на табурете и с грохотом упал на пол.

10

Морозный солнечный день. Пушистый иней на проводах и деревьях. Снег звонко поскрипывал под подошвами.

Надежда с тяжелыми сумками шла по улице. Возле дома встретила соседку.

– Здравствуйте, тетя Клава!

– Здравствуй, Наденька, здравствуй!.. С работы?

– Ага... – ответила Надежда и достала из сумки завернутый в промасленную бумагу большой пакет. – Вот, к чаю возьмите... Пирог тут.

– Спасибо.

– Свадьба в столовой была, так остались.

– Как у тебя, девонька, дела? – поинтересовалась соседка.

– Какие тут могут быть дела... – устало ответила Надежда. – Вы ведь сами все видите.

– И то правда... Мой тебе совет. Побереги себя, да и деток тоже. Уходи от него, пока не поздно... Сколько можно горе мыкать? Ты женщина видная, найдешь еще свое счастье.

– Легко сказать – уходи... Столько лет вместе прожили.

– Но ты же видишь, что это за человек! Вот давеча замечание ему сделала, так он на меня чуть не с кулаками накинулся!

Надежда грустно вздохнула.

– Как напьется, так дурак дураком.

– Дак он и не протрезвляется!

– Но... Вообще, он не плохой мужик-то... Жалко мне его, тетя Клава.

– Жалко?... А он хоть кого-нибудь пожалел?!

– Ладно, пойду... Надо еще обед готовить.

Стукнула калитка... Дик с радостным лаем бросился навстречу. Надежда потрепала пса по загривку, отломил кусок пирога и вошла в дом.

Вся семья была в сборе. Машенька радостно бросилась проверять мамины сумки. Надежда дала ей конфетку... Паша, склонившись над столом что-то рисовал в альбоме. Увидев мать, улыбнулся... Сам Котельников неподвижно сидел возле окна, смотрел на улицу.

Машенька подошла к отцу, протянула Пашин рисунок.

– Папа, посмотри.

Иван оторвался от окна:

– Что это?

– Паша нарисовал.

Равнодушно глянув, Котельников отвернулся.

– Цветочки-кораблики... – недовольно пробурчал он себе под нос, потом, обращаясь к сыну, раздраженно бросил. – Мужиком надо быть!

Павел с вызовом взглянул на него.

– Как ты?

– Да, как я... – потом, уловив издевку в словах сына, грозно прикрикнул. – Поговори мне еще! Поговори!.. Чего смотришь?!

Павел молча набросил пальто и вышел.

Машенька, поджав губы, отвернулась к стене. Надежда тихо расплакалась.

11

Старинная каменная церковь возвышалась на берегу реки. Холодный порывистый ветер вздымал на воде крупную рябь, перекатывал пенные свинцовые волны. По заберегам белел

молодой тонкий ледок. Большие разросшиеся деревья в церковном дворе гнулись, шуршали голыми оледеневшими ветвями, жалобно поскрипывали. Временами с неба, из низких серых туч принимался моросить мелкий нудный дождь, вперемешку со снегом...

А внутри храма, напротив, царили тепло и спокойствие. В нагретом воздухе витал запах ладана. Длинные тонкие свечи, негромко потрескивая, горели ровным и ярким пламенем. Лики икон умиротворенно смотрели со стен.

Надежда в темном платке и местный служитель отец Георгий, облаченный в длинную черную рясу, стояли возле алтаря. Больше в храме в этот час никого не было.

– Не знаю, что делать... Я устала, – с отчаянием, тихо произнесла Надежда, продолжая начатый разговор.

– К долготерпению призывает Господь наш, – ответил отец Георгий.

– Сил моих больше нет... А может и вправду развестись? Отец Георгий, что вы посоветуете? Ведь церковь не против развода?

– К душе своей прислушайся сперва, не рви по живому... Ибо сказано в Писании: «По жестокосердию вашему дана вам сия заповедь».

Надежда вздохнула и опустила глаза. Тонкие пальцы нервно теребили кончик платка.

– Терпи... – мягко, но убедительно проговорил отец Георгий. – Сумерки сгущаются перед рассветом...

12

Иван Котельников, страдая от жестокого утреннего похмелья, беспокойно ворочался на диване. В последнее время это состояние стало для него привычным... Два года уже Иван нигде не работал, перебивался случайными заработками. И если поначалу деньги вроде бы были, то вскоре их стало не хватать. Он занимал, не успевал отдавать, снова просил в долг. Постепенно ему перестали одалживать... Большая часть денег уходила на выпивку. Иван и до увольнения с работы частенько прикладывался к бутылке. Ведь это же так просто: выпил – и сразу все хорошо. И не болит душа, и мысли черные не лезут в голову. А когда его уволили, он стал пить еще больше. От неустроенности, от тоски... Все реже и реже можно было увидеть его трезвым. В последние пол года Иван и вовсе, словно с цепи сорвался. Пил практически каждый день. Близкие страдали, но ничего не могли изменить. И никакие уговоры на него не действовали... Прежних друзей у Ивана не осталось. Так, приятели, вроде Чики... Иногда, впрочем, находило на него раскаяние. В такие моменты Иван словно прозревал. Хотелось ему тогда все изменить, начать жизнь заново. Но это продолжалось недолго. И снова пьяный угар туманил голову... Он словно сорвался с кручи, и падал, падал... Совсем как тогда, в афганских горах.

Яростно и громко залаял Дик во дворе. Потом в сенях послышалась неловкая возня, какой-то стук, и на пороге появился Чика. Под мышками у него были костыли, в руке – авоська с тремя бутылками.

– Привет, Ваню! Держи вино!

Котельников приподнял с подушки тяжелую голову.

– Ты чего, ногу что ли сломал?

– А-а, вчера по-пьянке, – Чика проковылял в комнату, поставил на стол сетку с бутылками. – Принимай товар!

– Откуда? – радостно изумился Иван.

– От верблюда... Закусить есть чего?

– Сейчас, сейчас посмотрим.

Иван поднялся и, шаркая тапками по полу, отправился на кухню. Некоторое время спустя вернулся с буханкой хлеба и тарелкой соленых огурцов. Дрожащими руками попытался отрезать ломоть.

– Давай я... – остановил его Чика. – Сейчас выпьешь, легче будет.
– Что-то потряхивает, – виновато произнес Иван. – Водяра, видно, вчера паленая попалась.

– А я вроде ничего...

Чика налил водки в граненые стаканы почти доверху. Они выпили, захрустели огурцами.

– Твой пес – суший зверь! – с набитым ртом сказал Чика.

– Да ну!.. – отмахнулся Иван. – Это он так, для виду полагает...

– Говорю тебе – сожрать готов!

– Боишься? – подначил его Иван.

Чика презрительно хмыкнул.

Котельников разлил водку по стаканам, взглянул в окно. Пес сидел возле своей конуры.

– Ну, хочешь, я тебя с ним познакомлю? Хочешь?.. Сюда приведу и ...

– Не-не-не! Не надо! – воспротивился Чика.

– Почему?

– Не хочу.

Они снова выпили. Лицо Ивана озарила блаженная улыбка.

– Вот это кайф! По всем жилам протопило... Нет, я все-таки тебя с ним познакомлю.

– Не надо, прошу тебя! Не надо! – попытался протестовать Чика, но Котельников уже вышел во двор.

Отцепив пса, он завел его в дом.

– Сидеть, Дик! Сидеть!.. Чика, дай ему руку!

– Еще чего! – возмутился тот, отстраняясь. – Чтобы он мне ее оттяпал? У меня и так нога вон...

– Не бо-о-ойся! Погладь его... Смотри, какой он хоро-о-оший.

– Да ну тебя на фиг! Сам с ним целуйся.

– Ну, это ты не прав... – обиделся Иван.

Взяв со стола кусок хлеба, он бросил его собаке. Дик одним махом проглотил угощение.

– О! – сказал Котельников. – Сейчас!

Он исчез в другой комнате и через минуту оттуда донесся его голос.

– Чика!

– Что?

– Иди сюда!

– Зачем?

– Ну, иди, говорю!

Чика опасно встал из-за стола и, бочком пробираясь мимо собаки, приковылял на костылях в комнату. Иван протянул ему ружье.

– На вот, смотри!

– Да видел я уже... – недовольно поморщился Чика.

– Подарок отца, – в хмельном восторге выдохнул Котельников. – Ты в стволы погляди!

Он открыл ружье, показывая чистоту стволов.

– Муха не сидела! А знаешь, как бьет? Я за сто метров... Иду, глухарь сидит. Вон, мы с Диком были, он поднял и посадил... Я только – щелк! Камнем!.. Во!.. Чика, пойдём на охоту? Дика возьмем, и...

В соседней комнате раздался грохот, звон падающей посуды. Они бросились на звук... Возле стола с виноватым видом стоял Дик, а рядом на полу и на столе валялись пролитая бутылка, опрокинутые стаканы. По клеенке стекал тоненький журчащий ручеек.

– Едрит-твою за ногу! – ошарашено вымолвил Чика. – Вот так номер!

– Ты что наделал, скотина! – в сердцах рявкнул Иван.

Постукивая по полу когтями, Дик испуганно забился под кровать. Он всего лишь корочкой хлеба хотел поживиться, а тут такое...

– Наказать его надо, – произнес Чика.

– Сейчас дам по ушам, мало не покажется! – возмущенно откликнулся Котельников.

Чика протянул ему ружье.

– На! Застрели.

– Что? – не понял Иван.

– А на кой тебе такая глупая животи́на? Или ты его сейчас жалеть начнешь? Как баба...

– Что?

– Да нет, ничего... Но если ты мужик...

Иван схватил Чика за грудки.

– Ты меня знаешь! И любой скажет – Иван Котельников – мужик! А не цветочки-кораблики...

– Ну, и правильно. Застрели – и дело с концом.

Котельников неуверенно пожал плечами.

– Но... Не здесь же?

– А ты на речку его выведи. Там даже выстрела никто не услышит.

Снег валил густыми пушистыми хлопьями. Дик, думая, что его ведут на охоту, азартно тянул поводок. Пьяный хозяин с ружьем едва поспевал за ним.

Они спустились к реке, пошли вдоль берега... Река по кромке уже была скована льдом, а на середине – парила черная открытая вода. От воды тянуло холодом, сыростью и человек с ружьем, озираясь, зябко поеживался... Наконец он остановился, выпустил из рук поводок. Собака отбежала немного вперед, и недоуменно посмотрела на хозяина.

Тихо... В белом безмолвии слышно было только зловещее карканье ворон, рассеявшихся на ветвях прибрежных деревьев.

Иван медленно поднял ружье, щелкнул взводимым курком. Мушка, подрагивая, легла на черный собачий силуэт. Дик доверчиво помахал хвостом.

Выстрел!.. Пес упал, зарывшись мордой в снег.

Иван открыл ружье, выбросил дымящийся патрон. Потом подошел, склонился над жертвой. Пес неподвижно лежал, не подавая признаков жизни.

Котельников взял его за задние лапы и волоком потащил по рыхлому снегу. Позади оставалась глубокая борозда, испещренная алыми кровавыми пятнами.

Бросив тяжелую ношу под куст, Иван достал сигареты. Ладони у него были красные от крови. На прикуренной сигарете тоже оставались кровавые следы... Он жадно глотал горький дым, пытаясь перебить подступающую дурноту. Потом забросал неподвижного пса снегом и, не оглядываясь, ушел.

13

Котельников вернулся домой весь в снегу, с зачехленным ружьем на плече. Открыл калитку, вошел во двор... В то же время из дома вышла жена, с миской еды для собаки.

– А где Дик?

– Я его застрелил.

– Я серьезно...

– Я тоже.

Иван поднес к губам сигарету. Надежда увидела почерневшую от крови ладонь. В ужасе она отшатнулась, и миска с собачьей едой упала на снег.

14

Надежда уложила Машеньку спать. Сама села рядом... Слезы сами собой покатались из глаз.

– Мам, а почему ты плачешь?

– Зубик болит.

– А ты таблетку выпей.

– Я уже выпила. Спи...

Машенька немного помолчала, потом чуть слышно произнесла:

– Мам, а где наша собачка?

– Убежала.

– Далеко?

Надежда промолчала, ладонью размазывая слезы по щеке.

– А может быть, ее надо поискать? – простодушно предложила Машенька.

– Спи... – Надежда глубоко, прерывисто вздохнула. – Закрой глазки и спи.

Она поцеловала дочь и погасила свет.

15

Утро в семье Котельниковых было безрадостным. Из замерзших окон сочился сиренево-бледный неяркий свет. Иван нервно курил в своей комнатухе. Иногда он вставал, начал ходить из угла в угол, потом снова садился. И снова вставал... Он не мог найти себе места. Муки похмелья и осознание того, что он натворил, не давали ему покоя.

В другой комнате Надежда заплетала Машеньке косы. Павел сидел за столом, листал толстую книгу и прихлебывал остывший чай.

Наконец Иван, не выдержав, вышел к семье.

– Я вчера это... Не знаю, что нашло... Затмение... Ничего не помню почти...

Надежда молча ушла. Он хотел погладить по голове дочь, но Машенька отстранилась от него, как от чужого. Иван попробовал заговорить с сыном, но наткнулся на незнакомый жесткий взгляд... Прервавшись на полуслове, он потерянно замолчал.

Душу Ивана терзали раскаяние и тоска. Будущее представлялось безрадостным... Взгляд его упал на стену. Там висел моток веревки на гвозде. Он взял веревку и вышел во двор.

Все вокруг было белым бело. Снег падал всю ночь и засыпал округу.

– Кар-р! Кар-р! Кар-р!.. – услышал он над собой. На деревьях копошились вороны, роняя на землю снег с пушистых ветвей.

«Погодите каркать, – устало подумал Иван. – Я ведь живой еще пока...»

Он помял веревку в руках, словно примериваясь, как лучше сделать петлю. Выдержит ли она? И вдруг...

След! Он увидел идущий от приоткрытой калитки след – глубокую борозду с кровавыми отпечатками собачьих лап. Смятение и ужас охватили его. Показалось, что он сходит с ума.

Следы вели к конуре. Иван бросился туда и увидел израненную собаку.

– Дик... Дика!.. Ди-и-ик!

Потрясенный, он опустился на колени... Узнав хозяина, пес преданно посмотрел ему в глаза и, с трудом приподняв окровавленную голову, попытался лизнуть руку.

16

В холодном и пустом коридоре районной ветлечебницы Иван Котельников провел уже не один час. Но он словно бы и не замечал этого. Время перестало для него существовать. Сидя на жестком, потертом диване, он мучительно ждал.

В двух шагах от него, за плотно закрытыми дверями с надписью «Операционная» ветеринарные врачи привычно делали свою работу.

Наконец дверь приоткрылась. Невысокий крепкий мужчина в белом халате, вытирая руки чистым вафельным полотенцем, изумленно покачал головой:

– Как он выжил – ума не приложу. Такое ранение... Да вы не переживайте, на охоте и не такое бывает. Люди под выстрел попадают! А уж собаки... Чего говорить.

С листком, исписанным мелким торопливым почерком, подошла помощница главного ветеринарного врача. Иван поднялся им навстречу.

– Чем кормить, и какие лекарства давать – я там все подробно расписал... Будут вопросы – звоните.

Расчувствовавшись, Иван крепко пожал протянутую руку.

– Спасибо, доктор!

17

Перебинтованный Дик лежал в доме, на теплом мягком коврикe. Иван растапливал печь. Уложив в топку дрова, он острым широким ножом нащипал сухой лучины, надрал мелко бересты. Потом чиркнул спичкой, поднес к тонким берестяным завитушкам маленький трепещущий огонек. Береста вспыхнула, запотрескивала... Белое яркое пламя радостно заплясало среди сухих лучин. В печи тихо загудело, потом все громче и громче... Осмелевший, окрепший огонь принялся пожирать брошенные в топку дрова.

Жаром дохнуло в лицо... Щурясь на пламя, Иван притворил железную дверцу.

Мягко ступая по полу в вязаных шерстяных носках, он подошел к столу, взял ложку, налил в нее из бутылки микстуру. Склонившись над собакой, влил в пасть лекарство. Пес дернулся и затряс головой.

– Так надо, Дик... Так надо... – успокоил его Котельников. – Чтобы побыстрее выздороветь. Понял?

Хлопнула входная дверь. На пороге появился Чика. Он был изрядно навеселе, с бутылкой водки в руках.

– Привет, Иван! Готовь стакан!.. – торжественно воскликнул он, и осекся, увидев лежащего на полу пса. Изменившись в лице, он опустил руку с бутылкой.

– Я не пью больше. Все... Завязал, – тихо ответил Котельников.

– Та-а-ак... Ну, дела-а-а... – удивленно протянул Чика.

Иван погладил беспокойно заерзавшего пса.

Чика криво усмехнулся:

– Решил, значит, правильным стать? Культурным... Живой уголок завел.

– Иди, Чика, иди... – взглянув исподлобья, качнул головой Котельников.

– Вот так, значит? Друга гонишь?!

– Не друг ты мне... Понял?!

Он грозно шагнул в сторону Чики и тот, зная крутой характер Ивана, испуганно попятился. Уже со двора, крикнул с досадой:

– Гляди! Попросишь еще похмелиться!

18

Яркими разноцветными вспышками предновогоднего салюта искрилось черное вечернее небо. Веселыми радостными огнями на площади мигала наряженная елка. Иван Котельников, с туго набитыми пакетами, остановился, посмотрел на эти праздничные сияющие огни, и, улыбаясь, зашагал дальше.

Дома его ждали... В комнате дети наряжали принесенную накануне из леса елку. Волнующе пахло свежей хвоей.

– Вон туда! Вон туда повесь! – подавая брату очередную игрушку, оживленно тараторила Машенька.

– Хорошо, – кивал Паша. – Следующую давай.

– А эту вот сюда! – не унималась сестра.

Паша послушно вешал поданную игрушку.

Из кухни доносились аппетитные запахи. Надежда готовила новогодний ужин.

– О, папка пришел! – радостно воскликнула она, увидев входящего Ивана. Следом за ним в жарко натопленную избу ворвалось облако морозного пара.

Иван скинул одежду и, шурша пакетами, прошел на кухню. Чмокнув в щеку жену, спросил:

– Тебе помочь?

– Возьми тарелки, приборы... – ответила Надежда. – Неси в комнату.

Иван принял тарелки.

– А почему пять? Нас же четверо...

– Света придет, – пояснила жена.

– Какая Света?

– Пашина девушка.

– А-а-а... – многозначительно произнес Иван. – Понятно.

Он прошел в комнату, принялся расставлять тарелки на столе. Сын возился с гирляндами.

– Пап, посмотри... Что-то не горят.

– Сейчас, – Иван присел на корточки возле елки. – Ну-ка...

Вспыхнули разноцветные огни. Машенька запрыгала, радостно захлопала в ладоши:

– Ура-а!.. Пап, а Дед Мороз будет под елку подарки прятать?

– Обязательно, – обнимая ее, сказал Иван.

– А когда?

– А вот когда ты уснешь, потом проснешься и – пода-а-арков!..

– Ура-а-а! – не смогла сдержать радости Машенька.

Иван вернулся на кухню, к жене, помогать ей, готовить салаты. Надежда долго крепилась, но потом все же не выдержала:

– Видела сегодня мужиков из твоей бригады... Правда, что тебя снова бригадиром назначают?

Иван смутился, отложил в сторону недорезанный огурец.

– Не хотел говорить тебе раньше времени... С Нового года берут на прежнее место!

От избытка чувств Надежда бросилась ему нему на шею.

Пришла Света. В руках у нее была коробка с тортом.

– Здравствуйте, – скромно сказала она.

– Па-а-аша-а-а! – позвала Надежда сына.

Павел вышел сияющий, поцеловал девушку, помог ей раздеться. Потом проводил Свету в комнату.

Пора было за стол. По команде хозяйки все задвигали стульями, усаживаясь на свои места.

– Ой, подождите! – что-то вспомнив, остановила их Надежда. – Давайте, пока время есть – сфотографируемся.

Она достала из «стенки» фотоаппарат.

– Давайте лучше я вас всех вместе сфотографирую, – предложила Света.

Иван, Надежда, Павел и Машенька встали возле наряженной новогодней елки. Света навела фотоаппарат.

– Стоп! – неожиданно воскликнул глава семейства. – Дика забыли!

– Беги-и! – шутливо подтолкнула его в спину жена.

Иван, в чем был, раздетый, выскочил на мороз. Дик радостно бросился к нему, поднялся на задние лапы, передними упираясь хозяину в грудь, выражая тем самым высшую степень доверия. Котельников отстегнул его от цепи и за ошейник завел в дом.

В центре комнаты поставили стул. Иван присел, придерживая пса, норовившего лизнуть его в лицо. За спиной у Котельникова, дружно обнявшись, встали жена и дети.

– Улыбочку! – задорно скомандовала Света.

Все улыбнулись и посмотрели в объектив.

– Внимание, снимаю!

Щелкнув, камера навсегда запечатлела счастливое семейство. Все Котельниковы на фоне новогодней елки и в центре – Дик.

Проклятие Черного шамана

Пролог

– Значит так, – сурово произнес молодой оперуполномоченный в штатском, наваливаясь мощной грудью на стол. – Берешь бумагу, ручку – и пишешь все, как было...

– Да я уже и так все вам рассказал.

– Еще раз говорю: берешь бумагу, ручку...

– Прошу мне не тыкать! – возмутился я.

– Хорошо... Берем бумагу, ручку – и пишем.

Я невольно усмехнулся. Раньше, когда меня в транспорте вместо «Сейчас выходите?» спрашивали «Сейчас выходим?», я почему-то сразу думал, что человек работает в милиции.

– Чтобы все описать, потребуется время, – устало вздохнул я.

– Времени сейчас у тебя будет предостаточно, – оперуполномоченный недобро прищурился.

– Погодите! – встрепенулся я. – Вы что, меня арестовать хотите?

– А ты как думал? – резко бросил он, и щеки его зарделись. – Накрутил здесь, понимаешь... И концы в воду?

Я с трудом подавил в себе вспышку ярости. Все во мне трепетало. Вот, значит, как!..

– В конце концов, я имею полное право задержать любого подозреваемого на установленный законом срок. До выяснения обстоятельств... – уже спокойнее сказал оперативник. – Чего волноваться зря? Виновен – посадим, невиновен – отпустим. Все просто...

Он вызвал охрану и меня под конвоем доставили в одиночную камеру.

«Миленькое местечко... – из последних сил попытался пошутить я. – Самое главное чувствуешь себя здесь в полной безопасности».

Оставив бумагу и ручку на столе, я, не раздеваясь, улегся на застеленную серым одеялом шконку¹ и почти сразу провалился в черную пустоту.

На завтрак была жидкая овсяная каша, ломоть черного хлеба и теплый чай в алюминиевой кружке. Эта нехитрая трапеза не утолила голод, а лишь слегка приглушила его. Чтобы отогнать навязчивые мысли о еде, я сел к столу, положил перед собой чистые листы, взял авторучку... События последних дней неожиданно обрушились на меня. И это было так отчетливо и ясно, что мне невольно пришлось пережить все заново.

1

Первое, на что мы обратили внимание, въезжая в поселок, был кружащийся довольно низко вертолет. Толстобрюхая винтокрылая машина явно искала место для посадки.

– Что, почту привезли? – поинтересовался водитель у проходивших мимо мужиков.

– Не-е-е! – охотно отозвался один из них. – Витьку Старцева медведь порвал. Из областной больницы прилетели...

«Вот это да! – опешил я от неожиданности. – Как же так? Что теперь делать?»

Не хотелось верить услышанному. Ведь совсем недавно мы общались с ним по телефону. И именно он пригласил меня сюда отдохнуть, поохотиться.

– Что, знакомый, что ли? – участливо произнес шофер, заметив, как я изменился в лице.

– Приятель... Служили вместе.

¹ шконка – кровать (тюремн.)

Расплатившись с водителем, я подхватил свой туго набитый рюкзак, закинул за спину зачехленное ружье и поспешил туда, где был народ – к вертолету... Но повидаться с приятелем мне не удалось. Пока я скакал через пеньки и кочки, пробираясь к поляне, вертолет уже взлетел.

Что делать?.. Во всем поселке я никого больше не знал. Да еще и водителя отпустил. А отсюда до райцентра – верст пятьдесят. Кроме того, как мне удалось выяснить, регулярного автобусного сообщения здесь вообще не существовало. Автобус ходил два-три раза в неделю... Мой бывший сослуживец жил здесь с матерью и женой. Дети учились в райцентре, в школе-интернате. Домой приезжали по выходным. Сам он работал на местной пилораме... Приятель мой давно звал меня на охоту, а я все не ехал и не ехал. И вот, на тебе, собрался...

«Что же делать? – размышлял я, провожая взглядом улетающий вертолет. – Не ночевать же на улице?»

– Вон его жена с матерью, – любезно подсказал щуплый седобородый дедок в ватной телогрейке. – Переживают...

Я подошел, поздоровался. Заплаканные женщины молча кивнули в ответ. Видно было, что им не до меня.

– В сознании? – спросил я.

– Да... – тихо ответила его жена, – Но очень...

Не договорив, она всхлипнула и уткнулась в платок.

Поляна быстро пустела, люди расходились по домам. Кое-где уже в окнах светились огни. Порывы холодного ветра срывали последние листья с берез, трепали пожухлую траву; от реки тянуло зябкой сыростью. Щемящее чувство тоски и одиночества привычно ворохнулось в груди.

– Чего же вы стоите? – окликнули меня женщины. – Идемте...

Я поднял с земли рюкзак.

– Матрена! – подал голос все тот же седобородый шустрый дедок. – А то пусть у нас ночует!.. Чего вам тесниться? А?..

Он вопросительно взглянул на меня. Я согласно мотнул головой. По правде сказать, этот вариант меня больше устраивал... В семье горе, чего я буду там мешаться? И им лишние хлопоты, и мне тяжело...

– Пойдем, – дедок легонько подтолкнул меня в спину. – Вон, мой дом, возле мостика.

Гостеприимного деда звали Захар Матвеевич. Он подкупал своей общительностью. И неизвестно, чего было больше в этой готовности приютить одинокого путника – бескорыстного желания помочь ближнему своему, или уверенность в том, что у этого городского бродяги наверняка найдется что-нибудь выпить? Скорее всего, им двигало и то, и другое.

В доме было жарко натоплено. Хозяйка возилась возле русской печи, разливая в тарелки наваристые мясные щи. Ароматный запах витал в воздухе. Я достал из рюкзака коньяк. Дед Захар заметно взбодрился.

– Бабка, давай-ко неси рюмки!

Анна Андреевна – так звали хозяйку – принесла граненые рюмки на тонких ножках. Ради гостя из подполья достали соленых груздей, моченой брусники...

Выпили, принялись за закуску.

– Ты ешь-ешь, наворачивай! – ободряюще улыбнулся дед Захар, заботливо подкладывая в мою тарелку дымящуюся отварную картошку. – Грибы вон бери, колбасу домашнюю... В городе-то у вас все не то... Все искусственное... Племянница к соседке приезжала. На мясокомбинате работает. Так, говорит, в вареную колбасу на сто килограммов, только пять кило чистого мяса полагается. Остальное – добавки... Ну, разве это еда?

Я согласно кивнул. От выпитого дед раскраснелся, отмяк душой. Видно было, что ему интересно поговорить с новым, незнакомым человеком. Хозяйка снисходительно поглядывала на захмелевшего мужа.

– Скотину держите? – спросил я, поддевая на вилку ломтик ароматной домашней колбасы.

– Да где нам теперь... – вздохнула Анна Андреевна, обтерев концом платка, небрежно спущенного с головы на шею, тонкие сухие губы. – Дети подкармливают. У дочки с зятем хозяйство.

Выпили еще по рюмочке, поговорили о том, о сем. Потом разговор как-то незаметно повернул к главному событию сегодняшнего дня.

– Утром нашли Витьку-то... – тихо произнес дед Захар, задумчиво теребя седую бороду. – Сам на лежневку² выполз. Мужики на работу поехали, наткнулись.

– Ой, беда! – сокрушенно покачала головой хозяйка. – Двое ребятишек ведь у него.

– Медведь, это тебе не курица, – продолжал размышлять дед, – Ему человека заломать – раз плюнуть. Вон, в охотничьем журнале писали: одним ударом хребет лосю может перешибить... А бегаёт как? Пятьдесят километров по бурелому!.. Разве тут убежишь?

– Да уж... – сказал я и невольно содрогнулся, представив, как огромный дикий зверь безжалостно терзает моего приятеля.

Помолчали. За окнами совсем стемнело. В наступившей тишине слышно было, как по стеклам барабанит мокрый снег.

– А знаете, что скажу? – нарушила вдруг молчание хозяйка.

– Что? – отозвался дед Захар.

– Не случайно это все произошло...

– Конечно, не случайно. Сидел бы дома, так и был бы жив-здоров.

– Да я не то хотела сказать, – возразила Анна Андреевна, – Помнишь, этой весной у нас тут геологи стояли?

– Помню, чего же не помнить... Дыр набурили в округе, искали не пойми что... Алмазы, говорят...

– Так вот, – загадочно произнесла хозяйка, – а кто им могилу шамана показал?

– Витька...

– Погодите, – вмешался я, ничего не понимая. – Какую могилу? Какого шамана? Разве здесь были шаманы?.. Ведь это же не Сибирь!

– Тут отдельная история, – пояснил дед Захар. – Конечно, у нас в Архангельской тайге никаких шаманов нету. Но зато полно зон и поселений, где оседают бывшие зеки. Кто временно, а кто и остается... Я сам местный, но тоже пять лет отсидел...

– Добром бы хвастался! – одернула его хозяйка.

– Ладно, ладно... – миролюбиво усмехнулся дед, обнажив несколько редких зубов в блестящих металлических коронках. – Так вот, значит, в начале тридцатых годов этот самый шаман у нас и объявился. Определили его здесь на временное поселение. Я тогда еще пацаном был, плохо помню. Но отец рассказывал, ходили с мужиками смотреть, как он камляет. С духами, то есть, общается... Бубен у него такой был, с лентами. Сам сделал из коровьей или лосиной кожи – уж точно не помню... Обувь шил, одежду верхнюю. Все больше из меха – хорошо умел шкуры выделывать... Потом в тайгу ушел жить, построил себе избу возле озера. В поселок навещался только за продуктами... С женщиной сошелся, она к нему ушла. Так и жили в глуши, пока он не помер. Перед войной уж... Там его и похоронили.

– А почему «черный»? – спросил я.

² Лежневка – дорога, выложенная в особо непроходимых болотистых местах круглым пиленым лесом

– Так черный и черный... – пожал плечами дед Захар. – Может потому, что избу поставил на Черном озере. А может от того, что обличием был таков. Волосы носил длинные, в косу заплетенные. Черные, как смоль... И глаза – раскосые... Как японец, все равно...

– Бурят, – поправила хозяйка.

– Ну, вроде того... – согласился дед.

– Так вот, – продолжила за мужа Анна Андреевна, собирая тарелки со стола, – геологи эти, что были весной, узнали как-то про захоронение. Уговорили Виктора показать им могилу, да потом ее и разорили.

– Ничего себе, геологи... – удивился я.

– Да нет, – смутилась хозяйка, – не совсем правильно я сказала. Они в экспедиции рабочими были. Это уж я так, по привычке... Такие прощелыги...

– А где нормальных взять? – вставил свое веское слово дед Захар. – Кто тебе пойдет за копейки в тайгу? Как лошадь, всякую тяжесть таскать...

– Не понимаю, – сказал я, – чего там было искать? Какие ценности?

– Я тебе не сказал, – ответил дед, разливая по рюмкам остатки коньяка. – Он же еще поделки разные из кости и лосиного рога мастерил: амулеты, игрушки... Много у него было таких вещей. Умел... Не то вымачивал как-то, не то выпаривал специально, только кость после этого мягкая делалась. А он потом резал... Когда умер – все это добро вместе с ним в землю закопали.

– И ради этого они решили?..

– Ну, да... Продать же потом можно. Найдутся люди, с руками оторвут. Коллекционеры всякие... А хочешь, я тебе покажу одну такую вещьцу?

Дед Захар порылся в шкафу и извлек оттуда потемневший от времени костяной амулет. На нем были изображены медведь, ворон и еще непонятно кто – то ли зверь, то ли человек...

– Откуда он у вас? – удивился я.

– Да эти ханыги подарили... За пару пузырей.

Хозяйка принесла из кухни чай, малиновое варенье, пироги с брусничкой.

– Выбрось ты это! – в сердцах сказала она, увидев в руках у него амулет. – Беду на дом накличешь.

– Не брезжи!.. – отрезал дед и, обращаясь ко мне, произнес:

– Ну, как?

– Тонкая работа, – осторожно заметил я.

– Ох, дед, – не унималась хозяйка, – нельзя такое в дому держать!.. Грех!

Анна Андреевна присела к столу, нервно поправила вдетый в волосы коричневый гребень, заложила за ухо седую прядь. Потом подалась в мою сторону и негромко произнесла:

– У нас ведь в этом году не только Виктор пострадал... Трое человек за лето в лесу сгинуло.

– Как? – изумился я.

– Ушли и не вернулись... Бабушка с внуком, да мужчина твоих примерно лет... А скотины сколько потерялось? За всю жизнь такой беды не помню.

– Искали пропавших?

– Конечно... И с района приезжали. И вертолет над лесом летал. Но все без толку... Проклятие это, проклятие... За то, что прах потревожили.

Дед Захар досадливо хмыкнул в бороду, потом, приосанившись на стуле, важно изрек:

– Послушал ее? А теперь меня послушай... Я ведь тоже не вчера родился. У меня на этот счет своя версия имеется.

– Какая?

– А вот какая... – дед Захар доверительно наклонился ко мне. – Весной Петька Коротышев с городу приезжал, на ток ходил. Он сам мне рассказывал... Зорю отохотился, убил глу-

харя. Обратно к дому стал выходить, смотрит – медведь стоит на просеке. Черный, здоровый... Стоит себе, лапой коренья из земли копает. А Петька возьми и пальни в него. Тот как заорет! И бежать... Потом, слышал, будто летом грибники останки возле болота нашли.

Дед Захар помешал ложкой остывший чай, и продолжил:

– Но я так думаю, это другой был медведь, не Петькин... Тот, видно, отлежался где-то, да злобу на людей затаил. И то, что скотина летом пропадала, и грибники – это все его проделки.

Я озадаченно посмотрел на деда. Его рассудительное спокойствие удивляло.

– Так чего же вы молчите?! Давно уже надо было...

– Что?

– Ну, не знаю... – я задумался. – Охотников собрать, облаву устроить.

Дед Захар усмехнулся.

– Какую облаву? В тайге!..

Я и сам понял, что сказал не то. А старик, между тем, продолжал:

– Охотники-то настоящие у нас давно перевелись. На весь поселок один Витька остался.

Да и то вон, где теперь...

– В район могли сообщить.

– В район? – дед недовольно шевельнул косматыми бровями. – А что я скажу? Что Петька Коротышев весной сбраконьерил? Заложу, выходит, человека?.. Нет, не по мне это. Да и кто всерьез поверит, что это тот самый медведь? Где доказательства?

– И что теперь?

– А хрен его знает, – ругнулся дед.

Все эти внезапно открывшиеся подробности необычайно взволновали меня. Хотя, казалось бы, мне-то какая разница? Завтра уеду – и хоть трава не расти... Но что-то мешало просто так отмахнуться. Какая-то непонятная тревога поселилась в душе.

Хозяйка отправилась на кухню мыть посуду, а мы с дедом все сидели за столом.

– Говорят, если зверь крови человеческой раз попробовал, потом ему уже не остановиться, – припомнил я не то где-то слышанное, не то прочитанное.

– Да... – согласился дед Захар. – Людоедом становится.

– Значит, следующая жертва неизбежна?

– Выходит, что так...

Повисла гнетущая тишина. Оперевшись щекой о ладонь, я рассматривал, лежащий на столе амулет. Дед Захар задумчиво чертил ногтем по столу.

– Ты когда-нибудь ходил на медведя? – неожиданно спросил старик.

– Было дело... – ответил я, не понимая, куда тот клонит.

– Давно?

– Порядком... Я ведь родом из этих мест. Жил здесь когда-то, в соседнем районе.

– Да ну! – удивленно воскликнул дед. – А я думал ты городской.

– В город я уже взрослым уехал... Так сложилось.

Дед Захар оглянулся в сторону кухни и, придвинувшись ближе, вполголоса произнес:

– Слушай... Я знаю, где этого медведя искать нужно. Пойдешь со мной?

Такой поворот событий меня, признаться, озадачил. Ведь мысленно я уже собирался в обратный путь. Да и гоняться за зверем просто так по тайге, казалось мне занятием бесперспективным.

– Ну, что, согласен? – не отставал дед.

Я неопределенно пожал плечами.

«Страшно? Да нет вроде... Приходилось уже охотиться на косолапого... Время? Да и время есть... Тогда чего? Может, и вправду согласиться?»

– А какое у вас ружье? – поинтересовался я у хозяина.

– Берданка, – с готовностью отозвался тот. – Двадцать восьмой калибр.

Он быстро поднялся и вытащил из-за шкафа завернутое в покрывало ружье.

– Не слабовато, на медведя-то? – усомнился я.

– Нормально... – дед Захар с натугой передернул тронутый ржавчиной затвор. – Ствол смотри, какой длинный... И пуля – тяжелее, чем у карабина.

Я вынужден был согласиться... Старик развернул на столе потертую на сгибах карту.

– Вот, смотри... – он ткнул узловатым пальцем в испещренное топографическими знаками зеленое пятно. – Здесь избушка Виктора. Здесь – лежневка, на которой Петька Коротышев медведя весной стрелял... А вот тут, на горе, возле Черного озера, тот самый шаман похоронен.

– Хорошая карта, – отметил я. – Все как на ладони... Река, какая-то...

– Так это наша Быстрянка. Вон, за домом... По ней на лодке можно до сухого болота спуститься. А там и Витькина избушка рядом... Значит, давай, так и сделаем. Завтра, с утра...

– Куда это ты собрался?! – строго поинтересовалась Анна Андреевна.

Как она появилась в комнате – мы и не заметили. Дед Захар сразу сник.

– На охоту... – неуверенно произнес старик.

– На какую охоту?! – хозяйка властным жестом отставила к стене дедову берданку. – С твоими-то ногами?! Не выдумывай!

Дед Захар поскреб пятерней седой затылок, хмыкнул в бороду и со смиренной грустью взглянул на меня.

– Да, брат... Тут уж ничего не попишешь. Права она – отохотился я. Туда, может, еще и уйду, а обратно...

– Артрит у него, – пояснила хозяйка. – Суставы больные... Какой из него теперь ходок?

Она свернула разложенную на столе карту, сунула ее в руки супругу. Тот безропотно принял сверток, печально улыбнулся: «Такие дела...»

– А вы можете ложиться, – сказала, обращаясь ко мне Анна Андреевна. – Я вам в той комнате постелила. Устали с дороги, небось...

Я лежал на непривычно мягкой деревенской пуховой перине и никак не мог уснуть. Мокрый снег по-прежнему стучал в стекла, ветви деревьев царапали по стене. В кромешной ночной темноте едва различимы были предметы. Словно кадры старого кино возникли передо мной картины далекого прошлого.

Первые два года своей жизни я провел как раз в таком деревянном маленьком доме. С сиренью и черемухой под окнами... «Это было недавно, это было давно», – так пела когда-то моя бабушка. Я до сих пор помню этот красивый и грустный мотив. Отчего он так врезался в память? Не знаю... Может быть – как предчувствие неизбежных потерь, или неосознанное еще понимание того, что все, увы, проходит. И нельзя удержать ничего, и никого из тех, кто рядом. Можно лишь какое-то время смотреть, как смотрят с борта корабля на отдаляющийся берег. Все дальше и дальше то, что дорого, все меньше и меньше различимы детали... И вот, наконец, все это исчезает. И только память хранит смутные неясные очертания, которые неизбежно потом растворит в себе время.

Никому из людей не суждено провести всю жизнь у одного и того же очага. С одними и теми же людьми... Ведь даже если ты никогда не покидал дорогих тебе стен, все равно время безжалостно изменяет тех, кто рядом. Они вырастают – и становятся другими; они старятся – и тоже неизбежно меняются; и, наконец, они просто умирают...

2

Утро выдалось тихим, солнечным и по-зимнему холодным. На пожухлой траве островками белел выпавший ночью снег.

В доме пахло свежими пирогами. Видимо, хозяйка решила напоследок порадовать гостя. А, может, это просто так совпало – тесту ведь нужно время, чтобы выходить... Но так или иначе, а на завтрак меня потчевали самыми настоящими деревенскими пирогами, с румяной корочкой, с пылу, с жару – прямо из русской печи.

Дед Захар успел уже за водой на реку сбегать и дров наколоть. Вошел с улицы с охапкой березовых поленьев, раскрасневшийся, с сизым носом. Сложил аккуратно дрова к печи, скинул рукавицы-верхонки, повесил на гвоздь телогрейку, разулся, прошел к столу.

– Не зря вчера сиверко задувал, не зря... – сказал он, прихлебывая из чашки горячий чай. – Зима на дворе... И лебедей с утра видел. Это верный признак – к скорому снегу. Не зря говорят: лебеди летят – на хвосте зиму несут.

Я сидел вместе с хозяевами за накрытым столом и размышлял, как мне лучше добраться до райцентра. Оставаться я не видел смысла. Раз уж охота не задалась...

Тут неожиданно распахнулась дверь и на пороге возник невысокий, худенький, коротко стриженный паренек, лет восемнадцати. Одет он был по-походному, за плечами – рюкзак и одноствольное ружье.

– Здравствуйте! – смущаясь, изрек отрок и в нерешительности застыл у порога.

– Здравствуй, Тимоша, – улыбнулась хозяйка. – Ты куда это?

– На охоту. Дед Захар сказал, что... А у меня лайка... Возьмите меня, дядя Саша.

Я опешил... Во-первых, откуда у него столько информации? А во-вторых, мне едва исполнилось сорок и у нас, в городе, меня еще «молодым человеком» называли. А тут... Дядя Саша!

Я выразительно посмотрел на деда Захара. Тот ухмыльнулся в бороду и хитро прищурил один глаз.

Анна Андреевна пригласила паренька к столу. Пока пили чай, я узнал, что зовут его Тимофей Снегирев, что он круглый сирота, воспитывался в детдоме. Здесь, в поселке, уже второй год... По окончании курсов трактористов проходил в леспромхозе практику, да так и остался. Работает на трелевщике... Через две недели забирают в армию.

– Хочешь служить? – спросил я.

– Конечно, – не раздумывая, ответил Тимка.

– В какие войска берут?

– В танковые... – ответил за него дед Захар. – В какие еще трактористу?

– Жаль только, собаку придется продать, – печально вздохнул паренек. – Охотничий пес... Он же не может все время сидеть на привязи. Ему лес, воля нужны... А кто с ним охотиться будет? Я уже договорился с одним, из района. Приедет на той неделе...

Мы допили чай и вышли во двор. Ослепительно яркое солнце, белый снег, островками лежащий на земле и чистый холодный лесной воздух – все это взволновало меня. А когда я увидел на привязи возле забора черную, в желтых подпалинах, настоящую зверовую лайку, то окончательно сдался.

«Почему бы и вправду не сходить на охоту? Чего я зря, что ли в такую даль ехал?»

Заметив нас, пес приветливо завилял скрученным в калач пушистым хвостом и огласил окрестности радостным лаем.

– Абрек! Абрек! – Тимка потрепал пса по загривку и, обращаясь ко мне, добавил, – Вот, знакомьтесь... Из настоящего питомника, породистый.

– Сколько лет?

– Полтора года... Молодой еще, второй сезон в лесу.

Я присел рядом с собакой. Пес доверчиво потянулся ко мне, норовя лизнуть в лицо. Я погладил его и достал из кармана припасенную сушку. Абрек тут же схрумкал ее и, довольный, завилял хвостом.

– Какой калибр? – спросил я у Тимки, взвешивая на руке его легкую одноствольную «курковку».

– Двадцатый.

– Стрелять-то умеешь?

– Умею.

Огородами мы спустились к реке. Я нашел старый, брошенный кем-то закопченный чайник. Повесил его на облетевший куст.

– Давай, пулей попробуй!

Тимка передал мне Абрека на поводке, снял с плеча ружье, отошел шагов на сорок, тщательно прицелился.

«Бум!» – гулко ударил выстрел. Тимку качнуло, из ствола выбросило струю сизого дыма. Абрек беспокойно закружился на месте, пытаясь учуять невидимую дичь.

Чайник не пошевелился... Лишь в стороне от него слегка качнулась задетая пулей ветка.

– Давай еще раз! – скомандовал я.

«Бум!» – снова громыхнуло Тимкино ружье.

Ветка, на которой висел чайник, подломилась и осела. Звякнув металлической ручкой, чайник свалился на землю. Я подошел, осмотрел его со всех сторон – никаких следов... На кусте белела срезанная пулей ветка. Примерно на полметра ниже того места, где висел чайник.

«Да, – подумал я, – стрелок из него никакой... Но собака... Собака классная. В тайге очень даже может пригодиться».

– Еще? – неуверенно произнес Тимка. Видно было, что пареньку неловко оттого, что он так оконфузился.

– Хватит, – сказал я. – В лесу будем тренироваться.

Тимка облегченно вздохнул. Он, должно быть, испугался, что я могу не взять его с собой на охоту.

– Сколько у тебя патронов с пулями? – спросил я.

– Десять... Было, – ответил Тимка, поправляя кожаный патронташ. – Да я еще, если надо заряджу.

– Надо... Штук пятнадцать.

– Хорошо.

– Какие пули у тебя? – поинтересовался я.

– Обыкновенные, круглые...

– Других нету?

– Нет, – покачал головой Тимка. – Да я обычно с дробовыми зарядами на охоту хожу.

Пули так, на всякий случай...

– Покупные?

– Сам отливаю... У меня «пулелейка» есть. Потом напильничком подрихтовал – и готово.

«Дедовский способ, – подумал я. – Оттого, видимо, и погрешность такую при стрельбе дают... Потому что в стволе болтаются».

Я прикинул, какое вооружение и снаряжение у нас имелось. Итак, у Тимки – одностволка двадцатого калибра, плюс десятка полтора круглых самодельных пуль. У меня – двуствольная курковая «тулка» и семь заводских пуль повышенной точности. Хватит?... Но ведь я не планировал специально на медведя охотиться.

– Дядя Саша, – сказал Тимка, словно угадав мои мысли. – А знаете, кого мы еще можем с собой позвать?

– Кого?

– Борисенка.

– Это еще кто?

– Охотник... Фамилия у него такая – Борисенок. Вообще-то он шофер-дальнобойщик. В райцентре живет... Но к нам сюда каждый год приезжает на лосей охотиться. У него карабин есть, «Тигр».

«Вот это неплохо! – подумал я. – десятизарядный карабин – вещь серьезная. И в нашем деле будет весьма кстати».

Тимка быстро сбегал домой, оставил ружье и рюкзак, прицепил Абрека и мы с ним вдвоем отправились в гости к Борисенку... На время отпуска он снимал пол дома у своих знакомых.

Это был черноволосый худощавый человек, среднего роста, чуть за сорок; с быстрым цепким взглядом из-под густых бровей, с узкой скобкой жестких усов над тонкими, капризно выгнутыми губами. К нашему визиту он отнесся настороженно. Молча слушал, дымил сигаретой... Потом неожиданно спросил:

– А ты кем в городе работаешь?

– Архитектором.

– Да все мы архитекторы... – непонятно почему криво усмехнулся Борисенок.

«Не верит, – догадался я. – Станный тип... Должно быть в его представлении архитектор – это нечто особенное».

– Так вы согласны или нет? – нетерпеливо поинтересовался Тимка, отгоняя ладонью от лица сизый табачный дым.

Борисенок потушил сигарету, внимательно посмотрел на одного, потом на другого.

– Согласен... Только шкура – моя.

– Не вопрос, – согласно кивнул я. – Сколько у тебя патронов?

– А сколько надо?

– Ну, штук двадцать-двадцать пять.

– Тридцать возьму. Хватит? – Борисенок усмехнулся, обнажив желтоватые крупные резцы.

На душе у меня стало легко. Теперь наша компания выглядела значительно солидней... Но еще большую уверенность мне придали две лосинные шкуры и рога, которые Борисенок вынес из сарая. Это были трофеи недельной давности. Судя по всему, охотник он был опытный.

Тимке захотелось посмотреть карабин. Борисенок расчехлил оружие и с гордостью его нам продемонстрировал. Скорострельный многозарядный «Тигр» внушал уважение.

– Семь шестьдесят два калибр, – произнес Борисенок, клацнув автоматическим затвором. – Патроны с усиленным пороховым зарядом.

Он извлек из магазина желтоватый, матово блеснувший патрон.

– Лося с двухсот метров насквозь прошибает.

– Хорошая машина... – одобрительно отозвался я, прикладывая к плечу гладко отполированный приклад. – Оптическим прицелом не пользуешься?

– Оптику ребята увезли, – сказал Борисенок. – Я пока больше в лес не собирался. Лицензию закрыл... Да он и без оптики бьет прекрасно. Хочешь, покажу?

Я кивнул... И мы втроем тут же, снова через огороды, отправились на реку. Выбрали место с высоким берегом, где река делает поворот. Все же карабин – не ружье. Пуля далеко летит... Поэтому береговой откос мы использовали, как пулеуловитель.

Борисенок воткнул в берег палку и приспособил на ней ржавую банку из-под консервов. Отошли метров на сто... Борисенок легко вскинул карабин, прицелился.

«Бам!» – звонко ударил выстрел.

Ржавая банка слетела на землю. Победоносно взглянув на меня, Борисенок поставил оружие на предохранитель и протянул его мне.

– Теперь ты...

Он поднял с земли пластиковую зеленую бутылку из-под газировки, подал ее Тимке. Тот быстро сбегал, водрузил ее на палку, вместо банки. Я почувствовал легкое волнение, как спортсмен перед стартом. Не хотелось ударить в грязь лицом перед новоявленными компаньонами.

Осторожно большим пальцем сдвинул предохранитель.

– Патрон в патроннике, – на всякий случай предупредил Борисенок.

Я приложился щекой к прикладу, поймал в прицел зеленое пятнышко бутылки. Вдохнул, задержал дыхание... «Бам-бам!» – дважды, через короткую паузу нажал на спуск. Гильзы, выброшенные затворной рамой, тихо звякнули о прибрежные камни.

Бутылка, глубоко надетая горлышком на палку, стояла без движения.

– Иди, смотри, – снисходительно обронил Борисенок, забирая у меня карабин.

Я быстрым шагом приблизился к цели. «Неужели промазал?» – царапнула неприятная мысль. Но тут же отлегло... На расстоянии ладони, строго по центральной оси я увидел два аккуратных входных отверстия.

– Ого! – уважительно покачал головой Борисенок, разглядывая безупречно круглые пулевые пробоины. – Как по линейке!.. Где это ты так наострился?

– Армейская школа... – важно произнес я.

Давно мне не доводилось стрелять из нарезного оружия и я, признаться, был доволен результатом.

– А мне можно? – робко спросил Тимка, катая в руке стреляную гильзу.

– Нет! – строго ответил Борисенок. – Нечего зря патроны жечь... Они нам скоро пригодятся.

И потом, уже мягче добавил:

– Тебе же, Тимоха, скоро в армию. Там досыта настреляешься.

– Да?! – обиженно отозвался Тимка. – А мне знакомый рассказывал – за всю армию только один раз автомат в руках держал. Да и то на присяге...

– Ну, это смотря, куда попадешь, – уточнил я.

Остаток дня мы потратили на подготовку нашей экспедиции. Закупили в местном магазинчике хлеб, чай, сахар, соль, спички и еще кое-что по мелочи. Из расчета – как минимум на три ночевки... Потом я взял у деда Захара карту и мы сообща разработали детали маршрута.

Стартовать решили с утра, и к вечеру планировали быть в лесной избушке моего приятеля Виктора... До избушки можно было добраться сплавом по реке. Для этой цели нашли пару резиновых лодок. Одну, двухместную, пообещал взять у своего знакомого дед Захар, а другую, поменьше, отыскал где-то Тимка. Условились, что лодки мы оставим в избушке, а потом, когда река встанет, зять деда Захара вывезет их на снегоходе.

От избушки Виктора мы хотели организовать планомерное, квадрат за квадратом, прочесывание местности: по просекам, по лесным дорожкам... Где-нибудь, по нашим расчетам, мы обязательно должны были попасть на след. Особенно, если учесть, что все нормальные медведи должны уже не сегодня-завтра в берлоги залезть... А это значит, что любой, обнаруженный нами медвежий след, почти наверняка будет принадлежать зверю, который покалечил Виктора. Ведь он, скорее всего, – потенциальный шатун.

Поначалу я не очень-то серьезно был настроен на поиск этого медведя. Однако во время подготовки к охоте понял, что шансы у нас, действительно, есть. Во-первых, с нами собака – настоящая зверовая лайка. Пусть молодая, неопытная, но все же... Во-вторых, вооружение у нас – более чем достаточное. И патронов – завались... В третьих, какой-никакой снег в лесу уже есть, значит есть и следы... Ну, и наконец, это не просто охота, а некий акт возмездия за покалеченного товарища.

3

Дед Захар пришел нас проводить. Его дом был рядом – окна выходили прямо на реку. Старик помогал нам укладывать рюкзаки, связывать меж собой резиновые лодки, давал какие-то советы.

Подошла и его супруга, одетая уже по-зимнему: в пуховом платке, в полушубке. Принесла нам в дорогу узелок с домашней снедью. Улучив момент, отозвала меня в сторону.

– Вот, возьми это, – она украдкой сунула мне в руку костяной амулет. – Будете там рядом... Снеси обратно на могилу, шаману этому. Тебе не трудно, а мне спокойнее будет... Только деду ничего не говори.

– Хорошо, – пообещал я. – Отнесу.

Мы спустили лодки на воду. Связанные вместе, борт к борту, они были более устойчивы на быстрой воде и к тому же, позволяли нам чувствовать себя единым экипажем. В лодку, большую по размерам сели мы с Борисенком, в другую – Тимка с собакой.

Пес упрямылся, ни в какую не желая забираться в непонятное резиновое сооружение. Тимке пришлось заносить его на руках. Абрек скулил и брыкался.

– Аккуратнее! – обеспокоился дед Захар. – Когтями чтоб не задел. А то резина ведь... Порвет.

Наконец мы уселись, взялись за весла – по одному с каждой стороны – и дед Захар оттолкнул нас от берега.

– Счастливо! – крикнул вдогонку старик.

Хозяйка молча перекрестила нашу команду и прощально помахала рукой.

Студеная вода стремительно подхватила нас и понесла вниз по течению. Белые, припорошенные свежим ночным снежком берега, смотрелись торжественно и нарядно. От воды поднимался пар. Я сидел в носу, с ружьем в руках. Борисенок и Тимка нажимали на весла. Абрек тревожно поглядывал на бурлящую темную воду, жадно втягивал чутким носом волнующие лесные запахи.

Те же запахи с радостью вдыхал и я, вспоминая прежние охоты. Мне не раз приходилось сплавливать вот так по реке. Но это случалось либо весной, либо летом, когда было тепло. Сейчас температура была ниже нуля и корка льда покрывала мелководные закутки возле берега.

Через час мы уже зябко поеживались. А через два – нам было и вовсе не до таежных красот. Руки мерзли даже в перчатках, а пальцы ног мы почти совсем перестали чувствовать. И это несмотря на то, что у каждого на ногах были надеты толстые шерстяные носки.

Гладкие борта наших лодок покрылись тонким слоем льда, весла тоже оледенели.

– Ну, что, Тимоха, притих? – усмехнулся Борисенок. – Замерз?

– Есть немножко, – шмыгнул красным носом Тимка.

– Доплывем до Косой горы, перекурим... Чаю вскипятим.

Впереди, сквозь туманную пелену, замаячило упавшее в воду дерево. Огромная сосна наполовину перегораживала реку... Из глубины поднимались отполированные течением ветви. Вдоль почерневшего ствола пузырилась желтоватая пена.

– Влево! Влево уходи! – закричал я, оборачиваясь к Борисенку.

– Вижу... – процедил тот сквозь зубы и яростно заработал веслом. – Табань!.. Табань, Тимоха, едриёмать!.. К берегу ближе!

Гребцам удалось справиться с течением и вовремя обогнуть опасную преграду. Мы только слегка задели дерево бортом. Но от удара лодку ощутимо трянуло, и брызги ледяной воды щедро окатили нас.

Ноги совсем замерзли и затекли. Из-за тесноты было невозможно разогнуть колени. Я с нетерпением ждал, когда же, наконец, мы пристанем к берегу.

Наконец течение чуть замедлилось, впереди показался песчаный плес. Деревья на берегу расступились, открыв перед нами небольшую поляну.

– Подгребаем! – скомандовал Борисенок. – Перекур.

Наше плавучее сооружение с разбега ткнулось в припорошенный снегом берег. Хрустнула тонкая, ломкая наледь. Я ухватился за торчащий из воды куст, подтянулся вместе с лодкой и выбрался на земную твердь. Затем выдернул, насколько смог, связанные лодки.

Абрек, почуяв землю, рванул, что есть мочи... Пытаясь удержать его за поводок, Тимка вылетел из лодки вместе с ним, запнулся, и, не удержавшись на застывших, непослушных ногах, неуклюже растянулся. Пес, одурев от свободы, принялся носиться кругами, оглашая окрестности звонким, радостным лаем.

– Замерз, бедолага... – улыбнулся Борисенок, выгружая на берег оружие и рюкзаки.

Недалеко от берега чернело старое кострище. Над ним сиротливо торчал воткнутый наискось березовый обугленный таганок. По обеим сторонам кострища лежали толстые, чуть припорошенные снегом сушины, приспособленные кем-то вместо сидений.

Я надрал бересты, наломал хворосту и запалил костер. Дров вокруг было предостаточно.

Борисенок взял котелок, зачерпнул воды из реки и повесил его над огнем. Потом достал сигарету, прикурил от уголька.

Тимка яростно рубил топором. С треском падали на землю деревья. Глухой равномерный стук долетал до костра. Я подумал, что он запасает дрова. Пошел помочь ему донести... Но был удивлен тем, что увидел. Оказывается, рубил Тимка не сухостой, а вполне приличные, толщиной сантиметров в двадцать березы. Уже несколько белоствольных красавиц лежало внахлест на земле.

Я подошел, встал у него за спиной.

– Перестань.

– Что? – не понял парень.

– Дай сюда! – я взял у него топор.

Тимка с искренним недоумением уставился на меня.

– Дядя Саша, вы чего...

Я повернулся и, молча, пошел к костру. Он догнал меня, и обиженно сопя, зашагал рядом.

– Зачем ты столько деревьев зря загубил? – строго спросил я. – Тебе они, что, мешали?.. Для какой-токой надобности?

– Ни для какой... – растерянно произнес парень. – Лес же... Вон их сколько!

– А ты знаешь, сколько дереву надо, чтобы вырасти? Десятки лет!.. Ладно бы – нужда была. Но просто так – не понимаю... Вон, на берегу сушняку сколько! Завались...

Мне хотелось объяснить ему что-то очень важное, но слова путались, застревали внутри; я чувствовал свое бессилие, и злился от этого.

– Понимаешь, я не «Гринпис» и не ханжа. Сам вырос в лесу... Как бы тебе это объяснить? Вот если мост надо построить или дом... Или просто дорогу выложить бревнами, чтобы техника могла проехать... Или для костра... Это одно... А если просто так губить – то это совсем другое.

Я почувствовал, что у меня не хватает слов. Плохой, видимо, из меня воспитатель.

– Чего ты пристал к парню? – вмешался Борисенок. – Подумаешь, дерево срубил. Велика потеря... В лесу этих деревьев – замучаешься вырубать...

Не хотелось с ним спорить. Итак, слишком много лишнего наговорил.

– Ладно, проехали...

Я налил в кружку горячего крепкого чая, с приятным ягодным ароматом. Это Борисенок для запаха сунул в котелок пучок смородиновых веток.

Привязанный к дереву Абрек, издали наблюдал за нашим чаепитием; беспокойно покусывал, выпрашивая подачку. Я бросил ему кусок колбасы. Он на лету схватил его, клацнув зубами, и тут же проглотил.

От костра тянуло живым уютным теплом. Языки пламени с тихим гудением жадно лизали толстые сухие стволы. Прогорая, дрова потихоньку потрескивали, изредка выстреливая снепами белесых искр, едва заметных в дневном свете.

Мы отогрелись возле огня, повеселели.

– Как, Тимоха, не страшно на медведя-то? – поддел парня Борисенок, закуривая сигарету.

– Нет, – пожал плечами Тимка. – Чего его бояться?

– Не скажи... – я пошевелил палкой костер. – Медведь – зверь серьезный... Это он так, издали, вроде неуклюжим простаком кажется. А вблизи... Случай забавный вспомнил. Хотя, может, для того, кто там оказался, и не очень смешной... Давно это было. Я только из армии пришел, в депо работал. И вот сидим мы как-то перед утренней планеркой в цехе, перекуриваем... Один рассказывает: «Был вчера за грибами, по Тульской дороге. Что-то там страшное случилось...» – «Почему?» – спрашиваем. «Да мужик очень уж сильно орал» – отвечает. «Долго орал-то?» – «Долго» – «А чего же ты не подошел? Может, помощь какая нужна была?» – «Страшно...» И тут заходит еще один мужик из нашей бригады, Иваном звать. Закурить просит... Только просит как-то странно – жестами. Говорить не может... «Горло, что ли болит?» – спрашиваем. «Голос сорвал» – сипит Ваня. «Как?» – «Кричал сильно» – «Зачем?» Ручкой машет, мол, не спрашивайте... Покурил, потом, вроде, разговорился. Едва слышно, но в общем, понятно... «Был вчера за грибами, по Тульской дороге...» – начал он. Мы тут сразу переглянулись. Однако... «Грибов набрал, вышел на поляну, – сипит дальше Ваня. – И тут прямо на меня медвежий выводок выкатывает: медведица и два детеныша. Медведица уши прижала – и сразу ко мне. Летит галопом, только шерсть на загривке волнами ходит. У меня душа в пятки... Стою столбом на этой поляне. В руках корзина с грибами, из оружия – только нож перочинный. Все, думаю, смерть пришла! Тут я с испугу и заорал... Она, как крик услышала, сразу встала. Смотрит на меня, а я ору... Медведица фыркнула – и назад, к медвежатам. У меня отлегло, руки-ноги трясутся... Только дух перевел, а она – обратно! Летит, только грязь из-под лап по сторонам. Господи, думаю, спаси меня грешного! И давай опять орать, что есть мочи... Метров за десять она по тормозам – и на попятную... Едва в себя пришел – снова несется! Я опять в крик... И так много раз было. Что, не верите?» Тут мы не выдержали, и как начали ржать. А громче всех тот, кто нам про дикие крики в лесу рассказывал...

– Да, натерпелся страху мужик, – усмехнулся Борисенок. – Хорошо, хоть жив остался.

Напившись чаю, и отогревшись, мы двинулись дальше. Снова поплыли по сторонам заснеженные берега. Я пожалел, что не взял с собой фотоаппарат. Строгую красоту северного леса трудно выразить словами. Это надо видеть... За изгибом реки, в высоком березняке мы заметили тетерева-косача. Черная лирохвостая птица беззаботно клевала почки на дереве.

– Косач, косач!.. – азартно зашептал Тимка, увидев перед собой дичь. – Дядя Саша, стреляйте!

Я стянул перчатку с руки, приложил к плечу ружье. Но в этот момент наше плавсредство сместилось по течению, и две огромные ели закрыли цель своими разлапистыми ветвями.

– Ну, давайте, давайте!.. – изнывал Тимка от нетерпения.

В этот момент косач заметил нас и напряженно вытянул шею. Несколько секунд он оценивал, есть тут какая-либо опасность или нет и, в конце концов, решил не рисковать. С громким хлопаньем, сверкая ослепительно-белыми подкрылками, лирохвостая птица, размером с домашнюю курицу, стремительно унеслась прочь.

– Эх, – разочарованно вздохнул Тимка. – Упустили дичь...

– Ничего, – ободрил его я. – Это только начало. Еще не одного увидишь.

– Вот тогда и покажешь, какой ты ловкий, – подытожил Борисенок.

Через час мы опять начали замерзать. При выдохе пар шел изо рта. Пальцы на руках и ногах потихоньку превращались в ледышки. И если на руках их еще можно было отогреть за пазухой, то с ногами было сложнее. Только и оставалось, что беспрестанно ими шевелить.

– Здесь река делает петлю, – сказал Борисенок. – Примерно километра два-три... Давайте, вы меня сейчас высадите. Я тут быстренько пробежусь, солонцы³ посмотрю. Потом на реку выйду, вас дождусь.

– А если мы раньше проскочим?

– Вряд ли... Тут напрямую, через лес – пол километра всего. Да и течение сейчас помедленнее будет, все больше плесы пойдут.

Мы пристали к берегу, высадили Борисенка. Он отправился налегке, прихватив с собой только карабин и топор – свалить пару осинок для лосей, солонец подновить.

– Хитрый, – пробурчал Тимка, когда мы отчалили. – Пробежится налегке, погреемся... А нам здесь сиди.

– Почему сразу хитрый, – заступился я за Борисенка. – Может, действительно, надо человеку.

– Да, конечно... Как же...

Я не стал особо переживать по этому поводу. Тем более, что мне, наконец, удалось вытянуть ноги. Это сразу улучшило самочувствие. А что касается остального... Кому-то в лодке сидеть все-равно надо. С таким грузом, как у нас, напрямик через тайгу не проскочишь.

Некоторое время спустя мы развернулись почти на сто восемьдесят градусов и поплыли в обратном направлении. Течение ощутимо замедлилось. Чтобы не терять темп движения, приходилось все время подгребать.

Проходя очередной изгиб реки, мы увидели впереди белое поле. Река исчезла... Мы настолько растерялись, что не сразу среагировали. А когда наконец поняли, что произошло – было уже поздно.

Наше неповоротливое плавсредство вплотную прижало к кромке тонкого молодого льда. Причем, мы оказались в выемке, так, что по бокам тоже был лед. Путь был только один – назад, против течения.

– Отгребаемся! Отгребаемся! – закричал я.

Изо всех сил мы принялись молотить веслами, каждый со своей стороны, пытаясь преодолеть мощный поток ледяной воды. Но тщетно... После минуты отчаянных усилий, нам удалось оторваться от края льдины всего метра на полтора, и как только мы, обессилев, опустили весла, нас тут же вернуло на прежнее место.

– В сторону! – решил я, и мы начали ломать лед, пытаясь пробиться вдоль кромки, к берегу.

Но течение, вроде бы не такое сильное, не давало нам сдвинуться и как магнитом, возвращало обратно. Видимо, в этом месте под воздействием льда, или еще по какой причине, вода обретала какую-то центробежную силу. И выбраться из этой струи нам было никак невозможно...

Обессилев, мы какое-то время сидели каждый в своей лодке, забыв про холод и не замечая, как ледяной коркой покрывается намокшая от брызг одежда.

– Надо покричать Борисенку, – предложил Тимка.

Я согласно кивнул.

– Э-э-эй!.. Э-э-э-эй! – понеслось над рекой. Стоящие по берегам заснеженные деревья глушили наши тревожные крики.

– Тихо, – сказал я. – Послушаем.

³ Солонцы* – место, куда выкладывается соль, для приваживания копытных.

Мы прислушались, но кроме плеска воды и беспокойного поскуливания Абрека, ничего не было слышно. Тишина казалась зловещей.

– Эге-ге-ге-е-ей!.. Сю-у-у-да-а!

– Э-э-э-эй!

Ни звука в ответ... Я посмотрел на Тимку. Он был похож на нахохлившегося воробья: ссутуленный, втянувший голову в плечи, с покрасневшим от холода носом. Абрек, инстинктивно чувствуя беду, жалобно скулил.

– Ничего, ничего... – тихо проговорил я. – Выйдет на реку, увидит лед, все поймет и вернется.

– А если там дальше вода чистая? – вздохнул Тимка. – Что тогда?

Я не нашел, что ответить.

– Э-э-э-эй! Э-э-э-эй!

«Что же делать? – размышлял я. – Сидеть и ждать? А что еще остается... По льду не уйдешь – слишком тонок. Глупая, нелепая западня... Уже пальцев на ногах не чувствую. А Тимка, тот вообще... Скрючился, вон...»

– А-а-а-а!.. Э-э-э-эй!

– Стоп! – напрягся вдруг Тимка. – Вы слышали?

– Кажется...

Слабый, едва различимый крик донесся из леса. Боясь обмануться, мы снова закричали.

– ...э-эй! – чуть слышно донеслось в ответ.

– Есть! – просиял Тимка. – Услышал!

И мы опять принялись, что есть мочи орать, чтобы он не дай бог, не сбился с курса. Каждая минута в этой ледяной ловушке казалась нам вечностью.

– Ого-го-о-о! – Борисенок был уже рядом. Слышно стало, как похрустывают сучья у него под ногами... Наконец мы увидели его.

– Где топор? – крикнул я.

Он поднял его над головой.

– Руби дерево! Самое большое!

Борисенок принялся кромсать топором одну из берез на берегу.

– Ну, чего?.. Замерзли там?

– Руби, руби, давай!.. Не отвлекайся, – я уже немного успокоился, но все еще плохо представлял, как мы будем выбираться.

Дерево с треском наклонилось и мягко легло на лед. Чуть дальше, чем мы рассчитывали... Попытались дотянуться – не удалось.

– Руби другое!

Следующая береза упала как раз там, где надо. Теперь предстояло самое главное... Опираясь на упругие надувные борта и держась за ветви, мы втянули свои лодки на лед. Затем, пробираясь от ветки к ветке вдоль ствола, потихоньку стали подтягиваться к берегу. Резиновые лодки податливо скользили по тонкому, прогибающемуся льду, и вскоре мы уже ступили на земную твердь.

Берег в этом месте был крутой и высокий. Метра три пришлось карабкаться вверх... Забравшись, я огляделся. С одной стороны темнела парящая вода, с другой – белел сплошной лед.

– Как там дальше? Не смотрел? – спросил я у Борисенка, и в этот момент почувствовал, что край берега подо мной осел. Не удержавшись, я полетел с кручи вниз.

В первую минуту я не почувствовал холода. Но когда ледяная вода добралась сквозь одежду до тела, показалось, что меня бросили в кипящее масло. В кожу словно впились тысячи игл... Я стоял прямо у берега, но здесь было достаточно глубоко – вода доходила до пояса.

А еще – течение. Оно настойчиво толкало меня вглубь, и чем сильнее намокала одежда, тем труднее было сопротивляться ему.

Я хватался за берег, пытаюсь выбраться, но зацепиться было не за что. Ни прутика, ни веточки... В руках оставались только комья земли и сухая, выдернутая с корнем трава. А течение между тем, продолжало неумолимо теснить меня все дальше и дальше от берега. Вода уже подошла к груди... За спиной белел сплошной лед. И если меня затащит туда...

– Руку! – Борисенок кинулся мне на помощь. – Хватайся!

Я вцепился в протянутую ладонь. С большим трудом, нехотя, река отпустила меня.

«Из огня, да в полымя!» – мелькнула мысль.

Весь сырой, заочневший, я стоял на берегу этой несчастной реки, посреди глухой заснеженной тайги. Мокрая одежда на морозе моментально покрылась ледяной коркой.

– Раздевайся!

Борисенок скинул свою куртку на снег. Я вылил воду из сапог, снял с себя брюки и, стоя босиком на брошенной куртке, начал выжимать их. Потом отжал по очереди всю остальную одежду и снова натянул ее на себя. Трудно передать словами все ощущения. Кто однажды проделал это на морозе, среди тайги – никогда не забудет.

Долго оставаться в таком положении я не мог. Надо было срочно что-то предпринять. Разжечь костер, хотя бы... Самому мне это было уже не под силу.

Не дожидаясь команды, Тимка начал ломать хворост для костра, но Борисенок его остановил.

– Не надо костер... Здесь рядом избушка. Лодки пока оставим, потом вернемся, заберем.

Мы быстро, насколько это было возможно, бросились к спасительному жилью. От холода меня потряхивало, зубы выбивали дробь. Все мое существо молило об одном – в тепло, в тепло, в тепло...

На счастье, избушка оказалась действительно рядом. Внутри было промозгло, неудобно, темно. От промерзших бревенчатых стен веяло холодом. По сути, внутри было ничуть не теплее, чем снаружи.

Возле большой, обложенной красным кирпичом железной печи, лежала охапка сухих колотых дров. Тут же было несколько свитков бересты... Я нашел в себе силы порадоваться, поскольку этот запас, предусмотрительно оставленный кем-то, значительно сокращал время моей мучительной пытки холодом.

Борисенок надрал мелко бересты, потом расщепил топором полено, настрогал с края тонкой лучины, переломил ее, уложил сверху. Достав из кармана коробок, чиркнул спичкой и поднес ее к бересте. Слабый маленький огонек ухватился за тонкий краешек полупрозрачной березовой коры. Она мгновенно свернулась в трубочку, пыхнула изнутри белесым дымом, и с веселым треском загорелась. От нее язычок пламени дотянулся до другой берестинки, лизнул тонкую сухую лучину... Вскоре в печи загудело.

Пока разгорался огонь, я скинул с себя сырую одежду. Тимка дал мне свой свитер, а Борисенок – куртку. Я подсел поближе к печи и, протянув руки к распахнутой дверце, ощутил неизъяснимое блаженство. Живое тепло нежными волнами наполняло меня.

Тимка принес с улицы две охапки поленьев, свалил их возле печи. Чтобы я сразу, как только дрова в печи прогорят, мог зарядить следующую партию.

– Пойдем за лодками, – сказал Борисенок, накидывая куртку. – А то потом в тепле разморит, неохота будет.

Они ушли, с ними вместе убежал Абрек, и я остался один. Развесив сырую одежду на специально натянутые над печкой веревки, я зажег стоящую на столе свечу. Она была прикреплена к перевернутой консервной банке. За окном сразу стало заметно темнее.

Изба быстро наполнялась теплом. В раскаленной печи потрескивали сухие поленья. Я прилег на нары, закрыл глаза. Только что пережитое вновь всколыхнуло душу...

«Не многовато ли острых ощущений для одного дня?»

На улице послышался шум, дверь распахнулась, и на пороге появились залепленные снегом охотники. В дверном проеме я увидел густо кружащиеся в воздухе снежные хлопья.

– Снежище! – восторженно воскликнул Тимка, скидывая на пол уложенную в мешок резиновую лодку. – Ничего не видать.

– Это хорошо, – сказал Борисенок, заталкивая под нары связанные вместе весла. – Пороша нам только на руку. В такую погоду все нормальные медведи спать ложатся. А тот, кто не лег... Значит это он и есть.

В избушке сразу стало тесно. Очумев от жары, Абрек забрался под нары. Там было значительно прохладнее.

– Лодки придется здесь оставить, – Борисенок присел на корточки возле печи, закурил, пуская дым в приоткрытую дверцу. – Но ничего... Зато ближе потом будет забирать.

– Вообще, на морозе резину не хранят. Пропадут лодки... – заметил я.

– Ну, а что делать? Пешком-то где бы мы сейчас еще были?

Тимка сходил на реку, набрал в закопченный чайник воды, поставил его на печку. Потом спохватился:

– Да, чуть не забыл... Вот, в лодке нашел. Ваше?

Он протянул мне костяной амулет. Тот самый, который дала мне перед дорогой хозяйка.

– Спасибо, – я сунул его в свой рюкзак.

– Что за игрушка? – поинтересовался Борисенок.

– Амулет от злых духов... – шутя, ответил я.

Чайник зашипел, загремел крышкой. Надев матерчатую рукавицу, Тимка снял его с плиты и поставил на стол. Потом всыпал в кипяток полную горсть заварки.

Борисенок взял рюкзак, стал выкладывать из него продукты.

– Как здоровье? – с хитрым прищуром спросил он.

– Ничего, вроде... Отогрелся.

– Ну, сейчас еще изнутри...

Он извлек из рюкзака бутылку водки. На закуску решили сделать салат. Покрошили в большую миску огурцы, пару помидоров, лук, вареные яйца, колбасу, заправили все это майонезом и перемешали.

Почувяв съестное, из-под нар выбрался Абрек. Стуча по полу хвостом, присел у ног хозяйки. Тимка кинул ему очищенное вареное яйцо. Тот ловко поймал его на лету...

– Дай ему еще кусок, – сказал Борисенок, протягивая толстый ломоть белого хлеба.

– На, на!.. – Тимка отвел пса от стола и бросил кусок под нары. Абрек занырнул следом.

Борисенок поставил на стол две кружки, налил в них водки.

– А мне? – спросил Тимка.

– У мамки разрешения спросил? – поддел его Борисенок.

– У меня нет мамки... И папки тоже нет.

Стало как-то не по себе. Борисенок взглянул на меня, я пожал плечами.

– Ну, ладно, ладно... Поскольку ты уже без пяти минут солдат... Так и быть.

Борисенок поставил третью кружку, плеснул туда немного из бутылки.

– Давайте...

Мы взяли свои кружки. Тимка молча смотрел в стол.

– Ну, ты чего, Тимоха!?

– А чего вы со мной, как с маленьким? Дерево не руби, водку не пей... Да я уже год, как на трелевщике! Норму даю больше, чем некоторые! И никогда...

– Перестань, – остановил я его. – Никто не хотел тебя обидеть.

Мы выпили, заработали ложками. Только сейчас я почувствовал, как проголодался. Наш немудреный салат показался мне верхом кулинарного искусства.

Раскаленная печь дышала жаром. Пришлось даже слегка приоткрыть входную дверь. На улице уже была непроглядная темень. А снег все так же летел и летел.

– Все, больше подкидывать не надо, – сказал Борисенок. – Ночью спать не сможем.

Он закурил и расслабленно откинулся к стене.

– Как я сегодня вовремя вышел из лодки... А то бы сейчас так и куковали на реке.

– Уже бы откуковались... – мрачно заметил я.

Тимка собрал остатки нашей трапезы со стола и отдал Абреку.

– Ты только смотри, его не закорми, – обеспокоился Борисенок. —

Собака на охоте должна быть голодной.

Тимка улегся на дощатые жесткие нары. Зевнул протяжно, потянулся...

– А вот откуда люди взялись?

– Известно, откуда люди берутся... – хохотнул от печки Борисенок.

– Нет, правда, – привстав на локоть, улыбнулся Тимка.

– Ты всегда, как выпьешь, такие умные вопросы задаешь?

– Всегда.

– Вон, у дяди Саша спроси. Он в большом городе живет, с умными людьми общается.

– Мне, может, интересно, что ты думаешь?

– А я ничего не думаю... Чего мне думать? – Борисенок замолчал, пыхнул сигаретой. –

Но вот другой раз придет в голову... Сосланные мы все здесь. За грехи наши.

– Откуда сосланные-то?

– Да хоть откуда... С седьмого неба, или откуда еще... Оттуда, где всем хорошо. А ты, к примеру, что-нибудь там не так сделал, напакостил – тебя раз, и сюда...

– Надолго?

– Пока не справишься, – Борисенок бросил сигарету в печь, притворил дверцу. – Вот поглядишь вокруг – никто толком не живет, все мучаются. Болезни разные, в личной жизни проблемы... Ну, хоть бы у кого-нибудь все гладко! Не получается... Хоть ты министр, хоть олигарх...

– Ты-то откуда знаешь? Про олигархов...

– Знаю.

Тимка повернулся ко мне.

– А вы дядя Саша, как считаете?

Я поправил рюкзак в изголовье, задумался.

– В страданиях вызревает душа человеческая. Совершенствуется и растет...

– Зачем? – спросил Тимка.

– Наверное, так Богу угодно.

– А люди, по-вашему, откуда взялись?

– Ну, не от обезьян, я думаю.

– Кстати, от обезьян... – подобрав под себя ноги, Тимка уселся на нарах. – У меня есть свое мнение, насчет теории Дарвина.

– Какое? – с интересом спросил Борисенок.

– Не знаю, как объяснить... Вот, смотрите, мир, который нас окружает, из чего состоит?

– Из молекул, из атомов...

– Это так, но я немного о другом хотел сказать, крупнее взять, что ли... – Тимка улыбнулся. – Все вокруг состоит из живых организмов. От мельчайших жучков-паучков – до тигров со слонами. И вот, представьте себе, откуда-то из космоса, падают на Землю, ну, как бы, заготовки души. И начинается процесс... Сначала комарик, потом птица, потом зверь какой-нибудь. Ступенька за ступенькой, много жизней... А потом, когда душа уже оформилась – вселяется в новорожденного.

– Интересно, – сказал я. – Прочитал где-то?

- Нет, сам придумал.
- Ну, ты голова!.. – шутливо откликнулся Борисенок. – В академию тебя надо.
- Вот отслужу в армии... Потом, может, и поступлю.
- Это хорошо, что ты такой наблюдательный, – похвалил я паренька, включаясь в игру. –

А хочешь, я твою теорию продолжу?

- Давайте.
- Ну вот, вселилась душа в новорожденного, и что потом?
- Как что? Созревает окончательно и улетает на небо.
- Здорово, – вставил Борисенок. – Прямо инкубатор какой-то получается.
- Да, – согласился Тимка. – Земля – инкубатор, для выращивания душ.
- Погоди, – сказал я. – Вот, допустим, прошел цикл от новорожденного до зрелости.

Но результат может быть разный. Один человек, например, благородный, умный, добрый... А другой – злой, жестокий, коварный. Один – светлая душа, а другой – садист и убийца.

– Не знаю, – смутился Тимка. – Тогда, наверное, душа возвращается в исходную точку и все начинается сначала?

– Да, – с усмешкой отозвался Борисенок. – Если садист и убийца – тогда все сначала. А если просто дурак – тогда от новорожденного...

Он погасил свечу и улегся на нары.

– Ладно, давайте спать, философы. Завтра рано вставать... А то какие из вас охотники?

Борисенок и Тимка уснули быстро. А я все лежал в темноте и думал.

«Может быть так, цикл за циклом, – мысленно продолжал я начатый разговор, – душа обретает совершенство? И только потом – вечную благодать... Вот только не ясно одно. Важна ли при этом самореализация человека? Покорение каких-то жизненных вершин?.. Ведь достичь духовного совершенства можно в любой глуши. Соблюдай божественные заповеди – и довольно... Так что же толкает людей на поиск всенародного признания? Зачем им нужна оценка своих способностей и талантов? Только ли в тщеславии и материальном благополучии дело?.. Сложно все. И нет ответа ни на один вопрос. Ибо не в силах ум человеческий понять то, что ему не дано...»

4

После утреннего чая мы стали готовиться в путь.

Идти решили по двум маршрутам... До Витькиной избушки отсюда можно было добраться либо вдоль реки, либо по едва приметной лесной дороге, которая начиналась километрах в двух, на старых вырубках. Судя по карте, которую одолжил мне дед Захар, расстояние в том и другом случае было почти одинаковым.

Конечно, идти всем вместе было бы сподручнее и веселее, но это уменьшало охват территории... А так – мы за один раз обследовали приличный участок тайги.

Вдоль реки отправились Тимка и Борисенок. Я с Абреком пошел по лесной дороге.

– Если увидишь след – догнать не пытайся, – сказал Борисенок, поправляя на плече карабин. – Далеко сейчас не уйдет. А вместе мы потом спокойно его прищучим. Да и безопаснее, если что...

Чтобы Абрек не убежал за хозяином, я взял его на поводок. Идти через лес с привязанной на поводок собакой было неудобно. Пес то и дело совался между деревьев, норовил забраться в самый бурелом, но я терпел... Наконец, убедившись, что отошел достаточно далеко, сунул ему кусок хлеба и отпустил на все четыре стороны.

Поначалу Абрек несколько раз порывался вернуться обратно, но я всякий раз подзывал его, угощал хлебной корочкой или сахаром, и мы шли дальше. Вскоре охотничий инстинкт победил, и пес, позабыв обо всем, пошел впереди меня широкими галсами.

Мы вышли на старую лесную дорогу. Абрек пробежал немного по ней и свернул в лес. А я пошел прямо... Снегу за ночь выпало очень много. Все побелело вокруг. Деревья согнули под снежной тяжестью свои ветви, а кусты, так и вовсе поникли, образовав непроходимые заросли. Ноги утопали в мягком снежном ковре выше, чем по щиколотку. Но идти было легко... Вот через месяц – без лыж здесь пропадешь.

Вспомнилось, как много лет назад снег сыграл со мной злую шутку. Один раз – когда сломалась лыжа и я едва выбрался из этого глубокого, местами почти по грудь, снежного моря... А второй раз, когда ставил капкан на волка и случайно задел уже взведенный сторожек. Капкан сработал, зажав в железных тисках сразу четыре пальца. Что в такой ситуации делать? Ставишь капкан на твердую опору и, наступив ногой на стальную пружину, разжимаешь тиски. Все, казалось бы просто, если только ты не в заснеженной зимней тайге... Огляделся я, а вокруг ни пня, ни деревинки поваленной. Про землю я уж и не говорю – все под снегом. Тут у меня сердечко немного екнуло. Мороз градусов двадцать, пальцы зажаты так, что уже онемели, счет идет на минуты... Попробовал я отжать пружину одной рукой – бесполезно. Попробовал поставить капкан на лыжу и надавить другой ногой. Но лыжа сразу ушла под снег... Отчаяние овладело мной. Я метался туда-сюда, пытаюсь освободиться от безжалостных тисков. Минуты таяли, вместе с ними уходила из пальцев жизнь. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы на мое счастье не подвернулась мне надломленная старая сушина. Оперев на нее капкан, я сумел таки отжать ногой тугую пружину и спасти свои, почти безнадежные пальцы.

Из леса на дорогу выскочил Абрек, отряхнулся от снега и, заметив меня, приветливо замотал скрученным в калач пушистым хвостом.

Пес подбежал, ткнулся мокрым холодным носом в руку. Я погладил его по голове.

– Ищи, Абрек, ищи!

Собака послушно сунулась в заросли и пошла вдоль дороги.

Вдыхая свежий морозный воздух, я не уставал восхищаться – какая чудная выдалась пороша. Любой следок – как печатный... Вот белка прошла, вот горностаи наследил, а вот – куница пробежала.

Азарт охотника наполнял душу радостью. Как в старые добрые времена опять я был наедине с природой. И снова все во мне ликovalo.

– Фр-р-р!.. Фр-р-р-р-р!

Сбоку поднялся выводок рябчиков. Один дымчато-серый петушок сел на припорошенную снегом рябину, совсем рядом с дорогой. Осторожно, стараясь не делать резких движений, я стянул с плеча ружье.

– Гав! Гав! – звонко пролаял Абрек, почуяв запах дичи.

Я не успел толком прицелиться, как рябчик, вспугнутый собакой, шумно захлопал крыльями и исчез. Спустя мгновение, только ветка с осыпающимся снегом, слегка покачиваясь, напоминала о нем.

Вообще, конечно, зверовая лайка не должна была реагировать на птицу. Это считается недостатком. Но как тут удержаться, когда волнующе пахнущая дичь вылетает буквально из-под носа... Да и Тимка, судя по всему не очень-то в этом отношении воспитывал свою собаку.

На минуту из-за туч выглянуло солнце. И лес сразу ожил, заиграл скупыми зимними красками. Ярче зазеленели хвоей сосны и ели, оттеняя девственно-белый свежий снег. Легкие сиреневые тени мягко заструились по земле. И на запорошенных кустах дикого шиповника яркими красными огоньками вспыхнули ледяные, насквозь замороженные ягоды... Я мимоходом сорвал одну из них, бросил в рот. Кисло-сладкая холодная мякоть напомнила знакомый, давно забытый вкус.

Дорога свернула к болоту и пошла вдоль него, огибая по краю. Редкие сосны с рыжими стволами хранили безмолвие. На белом снежном полотне отчетливо были видны свежие

наброды глухарей. Наклонившись над следом, я приложил к отпечатку раскрытую ладонь. Большой, средний и мизинец легли как раз по трафарету, оставленному птичьей лапой. Я покачал головой – вот так птичка!

– Гав! – подал голос Абрек.

Да я и сам понял, что птицы где-то рядом. Свежий помет еще не успел замерзнуть.

Сделав пару шагов, я встал, как вкопанный. Отовсюду, слева и справа, с оглушительным шумом стали слетать глухари. Огромные черные птицы взлетали с таким грохотом, что, казалось, будто падают сваленные ветром деревья.

Четыре или пять глухарей поднялись с земли. Два из них сели неподалеку... Абрек бросился туда, голосом подавая знак, что видит дичь. Я хотел идти к нему, в болото, но неожиданно услышал: «Гэг! Гэг! Гэг!» Звуки, чем-то похожие на гусиный гогот, только более резкие и отрывистые, исходили со стороны леса. Осторожно повернувшись, я увидел на фоне белых заснеженных деревьев черный силуэт глухаря. Он был достаточно близко. Отчетливо можно было рассмотреть подрагивающую в такт тревожным звукам «бородку» из перьев, на длинной, настороженно вытянутой шее; темно-красные широкие брови...

Я вспомнил, что у меня в одном стволе пуля, а в другом – мелкая дробь на рябчика. Надо было поменять патрон... Аккуратно, насколько это было возможно, я сдвинул вправо «флажок» замка и ружье бесшумно открылось. Потихоньку достав из подсумка патрон, я поменял заряд в левом стволе, вставив вместо «четверки» «нулевку». Потом так же медленно и бесшумно закрыл ружье и поднес к плечу.

Все это время глухарь беспокойно «гэкал», напряженно вытягивал шею, но никуда не улетал. Нас разделяло метров двадцать, не больше. Мне снизу хорошо было видно сидящую на ветке птицу, а глухарю сверху – наоборот... Заснеженные ветви надежно скрывали меня и он, не видя меня полностью, мог лишь угадывать опасность.

Прицельная планка и мушка совместились, как надо; я навел стволы на черный силуэт, слегка задержал дыхание... «Бах!» – сухо хлопнул выстрел. Глухарь сорвался и, ломая ветви, полетел вниз.

Меня на ходу стреляный патрон, я подбежал к добыче, поднял с земли тяжелый трофей. Ликование и радость переполняли меня.

На выстрел примчался Абрек. С веселым лаем принялся скакать вокруг, по-своему поздравляя с удачей. Я убрал глухаря в рюкзак и бросил псу кусок пирога – пусть тоже порадуются.

Самое время было попить чайку. Я нашел подходящее место и запалил костер. Срубив небольшую березку, соорудил «таган», потом воткнул его рядом с костром и повесил на него котелок, доверху набитый снегом.

Присев на валежину, я отрешенно смотрел на язычкое жаркое пламя... Рядом, под раскидистой густой елью, где снега было совсем мало, пристроился Абрек. Предварительно он лапами расчистил все до основания и улегся на сухую, взрытую когтями землю.

Тишина... Слышно было только, как умиротворяющее потрескивают в костре дрова, да где-то далеко каркает ворон. Ветер совсем стих и ни одна веточка на деревьях не шевелилась. Все вокруг замерло и, казалось, даже время остановилось. Я расслабленно созерцал открывшийся мне неброский лесной пейзаж и думал о вечном. Сколько же лет здесь ничего не менялось? Век за веком шли чередой, люди рождались и умирали, рушили города и отстраивали их заново, опускались на дно океана и поднимались в космос... А тут все было по-прежнему. И сейчас, и сто лет назад – то же болото, то же безмолвие, то же серое низкое небо...

Костер прогорел, надо было двигаться дальше. Я достал карту, посмотрел и прикинул, что до избышки Виктора, где мы должны были встретиться с Тимкой и Борисенком, оставалось не так уж много. Каких-нибудь пять или шесть километров. Час ходьбы...

После чаепития и удачной охоты настроение было прекрасным. Не испортили его даже внезапно подступившие сумерки. В любом случае я рассчитывал добраться до избушки засветло.

Поднявшись на пригорок, где деревья были пореже, я увидел такую картину: высокая береза, с вырванными наполовину корнями, наклонясь, стояла бок о бок с могучей сосной. Причем сосна, как бы поддерживала, привалившуюся к ней, соседку... Очевидно летом здесь бушевал ураган и сильный ветер почти уронил большую березу. Но, падая, она зацепилась стволом и ветвями за стоящую рядом сосну.

Я заметил, что черная пожухлая листва была только на нескольких ветках. С других она благополучно облетела. А это значит, что дерево не погибло... Пройдет время, береза снова укоренится, и вновь зазеленеет молодыми клейкими листьями. Только теперь ветви обоих деревьев так и останутся навсегда переплетенными. И когда придет срок, они упадут вместе.

Сумерки потихоньку брали свое. Уже не так различимы были отдельные деревья, уже снег сделался блекло-серым и в воздухе появилась та особенная вечерняя свежесть, вдохнув которую, так хочется побыстрее к теплу, туда, где тебя ждут.

Я спустился в ложбинку. Бежавший впереди Абрек вдруг остановился... Настороженно поведя чутким носом, пес предупреждающе зарычал.

– Р-р-р-р...

Впереди темнел густой мелкий ельник, вплотную подступающий к самой дороге. Абрек, осторожно ступая, как по струне, двинулся в эти заросли. Нырнул под снежный полог – и пропал.

Что почуял он там? Кого заприметил?.. Я внимательно слушал звенящую тишину.

– Аф-аф!.. Аф-аф! – низко, незнакомо залаял пес.

Холодок пробежал по спине. Неужели... Быстро скинув с плеча ружье, я заменил дробовой патрон в левом стволе пулей. В другом стволе пуля уже была.

– Аф! Аф! Аф!.. Аф! Аф! Аф! – все настойчивее лаял Абрек.

Я стоял и не знал, что делать. Идти на лай – бессмысленно. Что ты увидишь в таких зарослях? Да еще снегом запорошенных... Идти дальше по дороге – тоже как-то... Непроходимый ельник прямо у обочины. Если что – и ружье вскинуть не успеешь.

А между тем смеркалось все сильнее. Надо было что-то решать... Еще двадцать минут – и совсем стемнеет.

Я переломил ружье, достал пулю, а взамен вставил старый дробовой патрон. Из тех, что не жалко... Абрек лаял, крутясь на одном месте.

– Э-эй! – крикнул я. – А ну, пошел!.. А-а-а-а!

И выстрелил из ружья в воздух. Потом, быстро выкинув стреляную гильзу, тут же вставил пулю... Прислушался.

Лай стал уверенно отдаляться. Я двинулся вперед, по дороге, держа наизготовку ружье со взведенными курками.

Миновав опасную ложбину, я остановился и принялся кричать, подзывая собаку.

– Абре-е-э-эк! Абре-е-э-эк!

Звуки моего голоса с трудом пробивались сквозь мрачную стену леса.

«Только бы собаку не потерять!» – мелькнула тревожная мысль.

– Абре-е-э-эк! Абре-е-э-эк! – снова закричал я. – На-на-на-а-а!

И тут, к своему удивлению, увидел бегущую на зов собаку.

– На-на-на! – радостно затряс я зажатым в руке куском хлеба. – Иди, Абрек, иди!.. На!

Пес, довольно виляя хвостом, принялся уплетать горбушку, а я тем временем достал поводок и прицепил его. Теперь можно было не волноваться, что собака убежит.

Мы немного прошли, и я увидел огромные медвежьи следы. Они были прямо на дороге. Чуть дальше я заметил развороченный трухлявый пенёк. Очевидно, косолапый хотел там чем-то поживиться – личинками или муравьями.

Я поставил в след свой сапог, сорок пятого размера. Ступня легко уместилась в нем, и еще место осталось. Огромные когтистые отпечатки медвежьих лап внушали трепет. Особенно усиливали ощущения стремительно надвигающаяся темнота и то, что я был один. Не считая Абрека, конечно...

5

– Так, где ты говоришь, видел следы? – Борисенок отложил в сторону надраенный до блеска карабин.

– Вот здесь, в низинке, возле ручья, – я ткнул пальцем в раскрытую карту.

– Ты подумай, – изумился Борисенок. – Совсем рядом.

Он достал сигарету, прикурил от свечи. Пламя сначала затрепетало, потом успокоилось... Под потолком, на полке, прибитой к стене, горела еще одна свеча. На раскаленной печи булькало варево из глухаря.

Эта избушка была попросторнее той, где мы вчера ночевали.

Тимка резал широкими ломтями хлеб, чистил репчатый лук... Абрек отдыхал под нарами, в дальнем от печки углу. Знал, где... В натопленной избе это было самое прохладное место.

Борисенок снял с печи готовую похлебку, поставил в центр стола. Закопченным половником мы разлили горячее варево по мискам. Это было что-то среднее между наваристым супом и жидкой кашей. Но пахло очень вкусно... Рецепт приготовления был прост. Сначала отварили нарезанное крупными кусками мясо глухаря. Потом высыпали в котел два пакета вермишелевого супа, накрошили картошки и заправили луком и чесноком. Добавили немного перца – и кушать подано!

День, проведенный на свежем воздухе, не прошел бесследно – аппетит мы нагуляли отменный. Казалось, ничего не едали вкуснее... Только ложки постукивали в тишине.

– Э-э!.. Солдатик! – с улыбкой поддел Тимку Борисенок. – Мечи пореже... А то, как по куропаткам стрелять – так мимо; а как ложкой в рот – так без промаха.

– А сам-то чего не стрелял? – парировал Тимка.

– Из карабина? Влет? По куропаткам? – Борисенок вскинул брови. – Я тебе что, Чингачгук, какой-нибудь?

Несмотря на отличный аппетит, все сразу съесть нам не удалось. Пришлось часть оставить на утро... Тимка заварил вскипевший чайник, достал кружки.

– Слышь, это... – Борисенок хлебнул обжигающего чая. – А ты правда что ли архитектором работаешь?

– Ну, да, – ответил я, тоже прикладываясь к кружке. – А что?

– Ничего, просто интересуюсь... И что ты там проектируешь?

– Разное... В основном – дома для состоятельных людей.

– Хорошо платят?

– По-всякому... Я же не один там.

– И машина есть?

– Есть.

– Какая? – в глазах Борисенка читалось откровенное любопытство.

– Да наша... Девятка.

– Ну-у, – разочарованно протянул Борисенок. – Я думал иномарка... Архитектор, все-таки...

– Архитекторы разные бывают, – улыбнулся я его наивности. – Не все же лауреаты гос-премий... Конечно, мне хотелось бы сделать что-нибудь более серьезное, значимое. Как Росси, Клодт или Монферран... Иногда я чувствую, что готов к этому. Но... Деньги нужны. Чтобы серьезные инвесторы к тебе интерес проявили. А наша фирма маленькая, некому не известная. Так, делаем что-то, на жизнь хватает – и ладно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.